

ПРАВОВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

1899 г.

№ 39.

Воскресенье 26 Сентября.

„Право“ издается въ С.-Петербургѣ подъ редакціей приватъ-доцента В. М. Гессена и Н. И. Лазаревского и при ближайшемъ участіи: Г. В. Гессена, О. О. Грузенберга, прив.-доц. А. И. Каминка, В. Д. Набокова, проф. Л. Г. Петражицкаго и В. М. Устинова.

Содержаніе: 1) Земская адвокатура. — В. Д. Кузьмина-Нараева. 2) Обзоръне гражданской кассационной практики за 1898 г. 3) Обь обложеніи наследственными пошлинами имущества русскихъ подданныхъ, находящагося за-границею. — Л. В. Шалланда. 4) Письмо изъ Парижа. — В. Б. 5) Судебные отчеты. 6) Хроника. 7) Юридическія общества. 8) Библиографія: Э. Левассеръ. Народное образованіе въ цивилизованныхъ странахъ. 2 тома, ред. Г. Фальборка и В. Чарнолусскаго. Спб 1899 г. — В. М. Гессена. 9) Судебно-административная практика. 10) Справочный отдѣлъ (на обложкѣ).

РЕДАКЦІЯ (Дмитровскій пер., 6) открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ отъ 1 ч. до 3 ч. дня.

Статьи, присылаемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Ненапечатанныя статьи возвращаются по представленіи надлежащаго количества марокъ на ихъ пересылку.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода 4 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и къ первому мая 3 рубля. За границу за годъ—10 руб. Отдѣльные нумера продаются по 20 коп.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Дмитровскій, 6) открыта отъ 11 час. до 4 час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Земская адвокатура.

I.

Организация юридической помощи въ уѣздахъ—одинъ изъ очередныхъ земскихъ вопросовъ. Если не ошибаемся, онъ возникалъ еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ, но, не получивъ тогда практическаго разрѣшенія, заглохъ и возродился всего около трехъ лѣтъ назадъ.

Инициаторомъ оказалось Лохвицкое, Полтавской губ., земское собраніе, постановившее, въ очередную сессию 1896 г., пригласить, за счетъ земства, адвокатовъ, которые давали бы, бесплатно или за небольшое вознагражденіе, юридическіе совѣты обращающимся къ нимъ мѣстнымъ жителямъ. Затѣмъ однородныя постановленія были сдѣланы въ 1896 и 1897 гг. и другими собраніями—Пермскимъ, Вятскимъ, Черниговскимъ и др.

Формальнымъ основаніемъ для всѣхъ этихъ постановленій служилъ 3 п. 2 статьи положенія о земскихъ учрежденіяхъ 1890 г.; нѣкоторыя земства, въ томъ числѣ и Лохвицкое собраніе, ссылались еще на 11 п. той же статьи. Что касается послѣдняго, относящаго къ предметамъ вѣдомства земскихъ учреждений „воспособленіе зависящими отъ земства способами мѣстнымъ земледѣлю, торговлѣ и промышленности“, то врядъ ли, конечно,—по отсутствію прямой связи между упорядоче-

ніемъ юридической помощи и воспособленіемъ земледѣлю, торговлѣ и промышленности,—правильно было дѣлать изъ него выводъ о правѣ земства учреждать адвокатскія консултанціи. Но первый не исключалъ возможности толкованія въ смыслѣ положительнаго разрѣшенія вопроса. По п. 3 ст. 2 земству принадлежитъ: „завѣдываніе дѣлами по обезпеченію народнаго продовольствія, попеченіе объ устраненіи недостатка продовольственныхъ средствъ и оказаніе пособій нуждающемуся населенію разрѣшенными закономъ способами“. Если толковать подчеркнутыя слова какъ самостоятельное опредѣленіе, то, очевидно, земству принадлежитъ и организация юридической помощи путемъ приглашенія адвокатовъ—способомъ, нигдѣ въ законѣ не воспрещеннымъ.

Полтавское губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе постановленіе Лохвицкаго собранія отмѣнило. Сенатъ жалобы на губернское присутствіе не уважилъ, принявъ ограниченное толкованіе перечня дѣлъ, ввѣренныхъ земскимъ учрежденіемъ. Послѣ этого земству остался одинъ только путь—возбужденіе законодательнаго вопроса о соответственномъ дополненіи положенія 1890 г. На этотъ путь—строго говоря, единственно законный, ибо ограниченное толкованіе п. 3 ст. 2 полож. имѣетъ за себя гораздо болѣе убѣдительныхъ доводовъ, нежели распространительное,—и встали многія земскія собранія сессіи 1898 года. Бѣжецкое, Тверской губ., земское со-

браніе приняло слѣдующую редакцію для дополненія перечня ст. 2: „попеченіе о мѣрахъ для содѣйствія нуждающимся въ томъ лицамъ изъ мѣстнаго населенія къ полученію совѣтовъ по ихъ частнымъ дѣламъ, подлежащимъ разсмотрѣнію въ судебныхъ и административныхъ мѣстахъ, и къ приисканію повѣренныхъ для веденія сихъ дѣлъ“.

Результатъ—къ сожалѣнію, отрицательный—уже извѣстенъ. 16 іюня 1899 г. тверской губернаторъ сообщилъ мѣстной земской управѣ, что комитетъ министровъ, журналомъ 18 мая, предоставилъ министру внутреннихъ дѣлъ ходатайство земскаго собранія о дополненіи 2-й ст. положенія „правиломъ, въ силу котораго земскимъ учрежденіямъ предоставлялось бы право организациі земской адвокатуры“, отклонить. Вѣроятно, такія же сообщенія получили Костромская и др. управы.

Такимъ образомъ и въ настоящее время ожидать практическаго разрѣшенія вопроса въ ближайшемъ будущемъ нельзя, и интересъ минуты онъ въ значительной мѣрѣ утратилъ. Но общій свой интересъ вопроса важнаго, самую жизнь выдвинутого на очередь, онъ несомнѣнно сохранилъ. Изъ 215 уѣздныхъ земскихъ управъ, запрошенныхъ Александровской управой, 85% высказалось въ пользу учрежденія земской адвокатуры и только 15%—противъ ¹⁾.

II.

Доводы принципиальныхъ противниковъ института сельскихъ адвокатовъ—будь это учрежденіе земское, правительственное или частное—можно формулировать коротко: юридическіе совѣтники деревнѣ не нужны; тѣмъ болѣе они не нужны теперь, послѣ реформы 1889 года: потребность въ юридической помощи вполне удовлетворяется земскими начальниками. Въ связи со второю половиною приведенной формулы ставятся доводы, направленные противъ земской собственно адвокатуры. Еще въ 1897 г. „Московскія Вѣдомости“ высказали слѣдующую общую мысль: при существованіи института земскихъ начальниковъ земская адвокатура „ничего, кромѣ распложенія дрязгъ, апелляцій и кассаций, не внесетъ въ деревенскую жизнь“ (№ 296) ²⁾. Менѣе года спустя та же газета писала, что адвокатура эта—„изобрѣтеніе, направленное исключительно противъ института земскихъ начальниковъ“, что земскій адвокатъ „завалилъ бы жалобами уѣздныя учрежденія и, можетъ быть, вполне парализовалъ бы хорошія стороны мѣстной реформы 1889 года“ (№№ 237 и 247).

Всѣ эти утвержденія, по нашему глу-

бокому убѣжденію, свидѣтельствуютъ лишь о полномъ незнаніи дѣйствительнаго положенія вещей въ деревнѣ или о нежеланіи его знать.

Каждому интеллигентному человѣку, хотя однажды прожившему мѣсяць или два въ деревнѣ, навѣрное случалось выступать въ роли юрисконсульта. А имѣющему съ деревней прочныя связи, особенно же постоянно живущему тамъ, если онъ намѣренно только не сторонится своихъ сосѣдей-крестьянъ, если онъ приобрѣлъ ихъ довѣріе, если онъ не чуждается ихъ жизни, быта, интересовъ,—выступать въ этой роли приходится чуть не ежедневно. Съ другой стороны, подпольные адвокаты и всякаго рода ходатаи, ютящіеся по трактирамъ уѣздныхъ городовъ и по постояннымъ дворамъ, никогда не могутъ жаловаться на отсутствіе клиентовъ.

Отсюда явствуетъ, что мужикъ ищетъ юридическихъ совѣтовъ. Это фактъ несомнѣнный. Его, впрочемъ, не отрицаютъ и противники земскихъ адвокатовъ. Съ ихъ точки зрѣнія важно другое: *почему* мужикъ ищетъ совѣтовъ? Потому ли, что совѣты ему дѣйствительно необходимы, или по одной своей склонности къ сутяжничеству и къ распложенію дрязгъ?

Вопросы, предлагаемые крестьянами на разрѣшеніе добровольныхъ юрисконсультовъ, большимъ разнообразіемъ, правда, не отличаются и рѣдко заключаютъ въ себѣ что-либо выдающейся важности—по цѣнности ли затрогиваемыхъ ими имущественныхъ интересовъ, по тяжести ли назначеннаго спрашивающему или грозящаго ему наказанія, по величинѣ ли ущерба, который онъ понесъ или понесетъ отъ разрѣшенія вопроса такъ, а не иначе. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ крестьяне спрашиваютъ: какъ добиться отъ сельскаго общества надбавки душеваго или полудушеваго надѣла, одданнаго другому, какъ заставить сосѣднее общество вернуть неправильно скошенное сѣно, какъ отнять отъ брата свою часть наслѣдства, какъ избавиться отъ назначенной волостнымъ судомъ или земскимъ начальникомъ высадки, какъ получить паспортъ, обезпечить надѣльную землю за пріемнымъ сыномъ и т. п. Но изъ однообразія и маловажности этихъ вопросовъ отнюдь нельзя дѣлать огульнаго вывода, что крестьяне, по одной только страсти судиться и сутяжничать, нескончаемо лѣзутъ съ ними и досаждаютъ всѣмъ и каждому.

Во-первыхъ, при всемъ своемъ однообразіи, вопросы крестьянъ всегда юридически сложны, и рѣдкій изъ нихъ не заставитъ задуматься даже опытнаго человѣка. Князь А. Оболенскій, въ статьѣ „Основная причина крестьянскаго нестроенія“ („Русск. Вѣстн.“ 1894 г. іюль), разбираетъ четыре самыхъ обычныхъ вопроса крестьянскаго быта: можетъ ли домохозяинъ запретить отлучку члену двора или семейства? Составляетъ ли то, что крестьянинъ зарабаты-

¹⁾ „Право“, 1899 г. № 19, стр. 970.

²⁾ Недурно и очень характерно это отождествленіе апелляцій и кассаций съ дрязгами!

ваетъ, его личную собственность или принадлежитъ семьѣ, въ число членовъ которой онъ входитъ? Открывается ли наслѣдство послѣ смерти отца-домохозяина и существуетъ ли вообще у крестьянъ наслѣдство? Имѣетъ ли право сельское общество по своему произволу отнять отъ крестьянина находящійся въ его пользованіи земельный надѣлъ? Трудно vybrать болѣе обыденные вопросы. А между тѣмъ авторъ, несомнѣнно обладающій и знаніемъ и опытомъ, посвящаетъ имъ 20 страницъ убористаго текста и въ результатѣ самаго тщательнаго анализа приходитъ къ выводу, что ни одинъ изъ нихъ строго определенному разрѣшенію не поддается. Такъ говоритъ изслѣдователь, заключающій отсюда, что отсутствіе и неясность закона, определяющаго юридическій бытъ крестьянъ, и составляетъ основную причину крестьянскаго нестроенія. Но жизнь не знаетъ неразрѣшимыхъ вопросовъ. Когда членъ двора требуетъ выдать ему паспортъ, а домохозяинъ настаиваетъ, чтобы паспорта не выдавали, вопросъ долженъ быть рѣшенъ, и волостной старшина или земскій начальникъ такъ или иначе рѣшатъ его неизбежно. Но всякое ихъ рѣшеніе неизбежно же будетъ болѣе или менѣе произвольно. А потому стремленіе обиженной стороны, путемъ обжалованія, добиться другаго рѣшенія мы обязаны признавать стремленіемъ естественнымъ и не только формально, но и внутренне законнымъ.

Во-вторыхъ, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ тотъ же авторъ, „неясность и недостатокъ закона не допускается народнымъ сознаниемъ“, крестьяне искренно убѣждены въ томъ, „что гдѣ-то непременно есть такой законъ, который предусматриваетъ каждый случай“,—и съ этимъ, опять-таки совершенно естественнымъ, убѣжденіемъ нельзя не считаться, оцѣнивая „безконечное хожденіе крестьянъ по судамъ и по начальствамъ“, назойливое для начальствъ и разорительное для нихъ самихъ.

Наконецъ, въ-третьихъ, степень важности защищаемаго лицомъ интереса, какъ личнаго, такъ и имущественнаго, отнюдь нельзя оцѣнивать съ общей точки зрѣнія. Если Иванъ Петровъ, не получивъ паспорта, на заработки не уйдетъ, если ему придется безвинно отсидѣть подъ арестомъ одинъ день, если сосѣдъ накопитъ изъ его пая два воза сѣна, если брату при раздѣлѣ достанется лишняя четверть душеваго надѣла усадебной земли—съ общей точки зрѣнія это все мелочь, не стоящая вниманія. Не попалъ на заработки—успѣшнѣе шла уборка хлѣба дома, да и неизвѣстно еще, заработалъ ли бы что-нибудь на сторонѣ. Отсидѣлъ сутки подъ арестомъ—только выспался. Два воза сѣна—по деревенскимъ цѣнамъ пять рублей. Четверть души усадебной осѣдлости—одна гряда въ огородѣ. Дѣйствительно, это

ничтожно и мелко, если для сравненія брать произвольное воспрещеніе выѣзда изъ данной мѣстности по распоряженію власти, или судебную ошибку, повлекшую за собою ссылку въ каторжные работы, или искъ на сотни тысячъ рублей, или захватъ тысячи десятинъ земли. Но если взглянуть на тѣ же явленія безотносительно, съ точки зрѣнія самого Ивана Петрова, то значеніе ихъ окажется совершенно иное. Пятая гряда въ огородѣ при четырехъ—ровно столько, чтобы никогда не прикупать капусты. Два воза сѣна—пятая часть годового запаса и почти половина того, что съѣстъ лошадь за зиму. Не получить паспорта—выносить ежедневные попреки, а не то и побои, жить съ сознаниемъ, что связанъ по рукамъ и по ногамъ...

III.

Независимо отъ общей неопределенности правоотношеній, потребность въ юридической помощи создаютъ два обстоятельства, крайне важныя въ деревенской жизни: съ каждымъ годомъ все увеличивающаяся путаница земельныхъ отношеній и безконечная сложность существующей организаціи лицъ и учреждений, вѣдающихъ судъ и мѣстное управленіе.

Земля—владѣніе и пользованіе ею—основной крестьянскій интересъ, изъ котораго исходятъ, какъ изъ центра, и которыми преимущественно определяются всѣ прочіе интересы. Очевидно, что путаница земельныхъ отношеній не можетъ не вызывать самыхъ страстныхъ споровъ и тяжбъ.

Намъ лично извѣстенъ уголокъ одной изъ подмосковныхъ нечерноземныхъ губерній. Уголокъ небольшой, но типичный. При крѣпостномъ правѣ онъ былъ мѣстомъ, гдѣ имѣли резиденцію крупныя помѣщики, владѣвшіе крестьянами и въ другихъ губерніяхъ, откуда они постоянно переселяли разныхъ специалистовъ-дворовыхъ, обращавшихся во второмъ или въ третьемъ поколѣніи въ крестьянъ. Помѣщики были плодовиты и дѣлежи на 10—15 частей бывали не рѣдкостью. Такъ какъ имѣнія въ данной мѣстности служили резиденціей, гдѣ каждый изъ дѣлвшихся родился и выросъ, то естественно всѣ добивались и получали хоть что-нибудь изъ наслѣдства здѣсь же, на мѣстѣ. Пока была возможность, создавались новыя усадьбы. Затѣмъ начался выдѣлъ отдѣльныхъ крѣпостныхъ душъ. Въ результатѣ, по освобожденіи крестьянъ и введеніи уставныхъ грамотъ, оказалось, что нормальный надѣлъ получили весьма немногіе и что болѣе половины деревень владѣютъ землей по разнымъ уставнымъ грамотамъ, и хотя въ однихъ поляхъ, но въ различномъ количествѣ десятинъ на душу. Выкупныя операціи также совершались въ разное время, въ періодъ болѣе 20 лѣтъ. Такимъ образомъ, получились сельскія общества, состоящія изъ членовъ, имѣющихъ

различныя права на находящіяся въ одной межѣ земли и нерѣдко прямо противоположныя интересы. Трудно даже выдумать болѣе благоприятныя условія для всякихъ злоупотребленій, обидъ и ихъ неизбѣжныхъ послѣдствій—споровъ и тяжбъ.

Качество почвы въ описываемомъ уголкѣ высокое; земля можетъ давать хорошей доходъ. Несмотря на это, до половины восьмидесятыхъ годовъ не замѣчалось, чтобы крестьяне особенно дорожили землей. Всѣ стремились уйти на сторонніе заработки, и случилось, что того или другого домохозяина общество не отпускало, потому что никто не желалъ взять его надѣла даже даромъ, за одни повинности. Припахиваніе чужой пустыющей полосы и возведеніе постройки на чужой усадьбѣ сдѣлалось явленіемъ обычнымъ. Въ восьмидесятыхъ годахъ положеніе дѣла не вдругъ, но рѣзко измѣнилось. Подъ вліяніемъ разнообразныхъ причинъ—промышленнаго застоя, сознанія, что приближается время окончанія выкупныхъ платежей, наконецъ причины чисто мѣстной—развитія льноводства,—и цѣлаго ряда другихъ,—крестьяне буквально набросились на землю. Эта тенденція, прежде всего, выразилась въ стремленіи покупать помѣщичьи земли, цѣна на которыя, кстаті сказать, учетверилась, затѣмъ въ отыскиваніи наслѣдственной усадьбы и въ захватѣ наибольшаго числа душевыхъ надѣловъ, даже тѣми, кто въ деревнѣ не живетъ, съ цѣлью выкупа ихъ или хотя бы отдачи въ аренду своимъ же односельчанамъ. Къ моменту наибольшаго развитія этой тенденціи былъ введенъ институтъ земскихъ начальниковъ. Ранѣе отдаленность суда и прежняго уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія дѣлали то, что споры рѣдко облекались въ форму процесса; или они вовсе оставались безъ разрѣшенія, т. е. цѣликомъ сохраняли свою силу фактъ владѣнія, или разрѣшались домашнимъ образомъ, причемъ и въ этихъ случаяхъ въ основу рѣшенія всегда принимался фактъ. Весьма часто фактъ бывалъ несправедливъ, но, освященный давностью, онъ все-таки давалъ хоть нѣкоторую устойчивость. Доступность новыхъ органовъ естественно побудила всѣхъ недовольныхъ и считающихъ себя обиженными начать споръ на формальной почвѣ. Земскіе начальники, насколько мы можемъ судить по личнымъ наблюденіямъ, а отчасти по запискамъ г. Новикова ¹⁾, весьма энергично отнеслись къ этого рода дѣламъ. Въ большинствѣ мало знакомые съ мѣстными условіями, не юристы по образованію, но преисполненные стремленія уиорядочить свои участки,—они стали массами разрѣшать, лично или черезъ посредство волостныхъ судовъ, земельныя тяжбы, большая часть которыхъ, въ сущности, неразрѣшима.

¹⁾ А. Новиковъ. „Записки земскаго начальника“. Спб. 1899.

Фактъ владѣнія такимъ образомъ уже колебался—и съ этимъ надо считаться. А дабы возможно было справедливое рѣшеніе вопроса на почвѣ права, необходимы процессуальныя формы и, какъ одна изъ необходимѣйшихъ,—юридическое представительство сторонъ, чтобы судья, прежде чѣмъ составить сужденіе по дѣлу, могъ выслушать законно обоснованные доводы за и противъ.

Еще въ худшемъ положеніи стоитъ вопросъ въ отношеніи земли, принадлежащей крестьянамъ на правѣ собственности, такъ называемой, купленной земли. Въ уѣздѣ, который мы имѣемъ въ виду, такой земли около 140 тысячъ десятинъ (на 363 тыс. дес. надѣльной). И вся эта масса куплена, въ громадномъ большинствѣ, товариществами. Фактически, покупая земли, крестьяне всегда создавали и создаютъ товарищества на паяхъ, съ различнымъ размѣромъ взносовъ и съ точнымъ соотвѣтствіемъ между поступающей въ собственность каждаго земли и внесенной имъ суммой. Но въ крѣпостныхъ документахъ фактическія условія образованія товарищества только въ видѣ рѣдкаго исключенія излагаются со всей необходимой точностью и подробностью. Слѣдовательно, сразу же, съ самаго момента покупки, получалось противорѣчіе между фактомъ и его юридическимъ выраженіемъ. Далекіе отъ законства съ значеніемъ законныхъ формальностей и въ то же время вѣковымъ опытомъ недоузданія глубоко познавшіе цѣну каждаго лишняго рубля,—крестьяне, при совершеніи всякой сдѣлки, стремятся прежде всего къ тому, чтобы самое ея совершеніе обошлось какъ можно дешевле. Поэтому краткость документа стоитъ для нихъ на первомъ планѣ. А такъ какъ наименовать покупателей, безъ обозначенія доли каждаго, короче и проще, а наименовать только двухъ или трехъ—еще проще, то и получились крѣпостные документы, имѣющіе весьма слабое сходство съ дѣйствительностью. Въ интересахъ той же дешевизны, разверстка купленной земли по паямъ всегда производилась и производится крестьянами собственными средствами—„коломъ“. И хотя они обыкновенно дѣлаютъ купленную землю на „вѣчныя“ полосы, но межевыхъ знаковъ не ставятъ.

Съ теченіемъ времени на эти первоначальныя явно ненормальныя условія нарастаютъ другія, еще болѣе ненормальныя. Смерть владѣльца почти никогда не влечетъ за собою немедленнаго же утвержденія въ правахъ наслѣдства и ввода во владѣніе наслѣдниковъ. Обмѣны участками между пайщиками, причемъ уступаемый и получаемый участки далеко не всегда бываютъ одного размѣра (напр., когда полоса покоса обмѣнивается на полосу пашни и вообще обмѣниваются полосы разнаго качества) производится постоянно. Продажа на сторону, совершаемая „на улицѣ“, не только

безъ купчей крѣпости, но и безъ всякаго письменнаго обозначенія сдѣлки, — явленіе обычное ¹⁾).

Административные органы, прямо или въ порядкѣ надзора вѣдающіе мѣстное управленіе въ деревнѣ, суть: сельскій староста, сельскій сходъ, волостной старшина, волостной писарь, волостной сходъ, земскій начальникъ, уѣздный съѣздъ, предводитель дворянства, губернское присутствіе, губернаторъ, министерство внутреннихъ дѣлъ. Полицейскіе органы: десятскій, сотскій, урядникъ, становой приставъ, исправникъ. Судебные: волостной судъ, земскій начальникъ, судебное присутствіе уѣзднаго съѣзда, уѣздный членъ окружнаго суда, губернское присутствіе, судебный слѣдователь, окружный судъ, судебная палата, сенатъ. Итого 25 лицъ и учреждений, къ которымъ приходится обращаться крестьянамъ съ прошеніями, исками, жалобами, ходатайствами и т. п. Но и этотъ перечень еще не полонъ; въ него не вошли: податной инспекторъ, казначейство, казенная палата, земская управа, земское собраніе, уѣздный воинскій начальникъ, старшій нотаріусъ, прокуроръ окружнаго суда и т. д.

Уже по одной численной сложности системы нельзя въ ней не запутаться. А надо еще помнить, что каждый органъ дѣйствуетъ на основаніи особыхъ, ему одному свойственныхъ, формъ и обрядовъ, каждый имѣетъ свои опредѣленные предметы вѣдомства. Вездѣ сроки, вездѣ свой порядокъ обжалованія. Основой дѣятельности однихъ служитъ исключительно писанный законъ, другихъ — обычай, третьихъ — административное усмотрѣніе. Въ одномъ мѣстѣ можно доказывать денежный долгъ свидѣтельскими показаніями, въ другомъ — нельзя. Рѣшенія одного и того же органа въ однихъ случаяхъ безапелляционны, въ другихъ — подлежатъ обжалованію не только въ кассационномъ поряд-

кѣ, но и по существу. Разобраться во всемъ этомъ подѣ силу только знающему и опытному человѣку. Неграмотный же или полуграмотный крестьянинъ, предоставленный самому себѣ, рискуетъ на каждомъ шагѣ проиграть наиболѣе вѣрное дѣло или не добиться осуществленія законнѣйшаго своего домогательства: пропустить срокъ, обратиться къ кассационной инстанціи съ доводами по существу, ненадлежаще адресуетъ прошеніе, въ искѣ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія будетъ доказывать право собственности или обратно и т. п. Когда вырабатывалось положеніе о земскихъ начальникахъ и ожидалось введеніе его въ дѣйствіе, сторонники новаго института особенно подчеркивали существовавшую сложность организациі суда и управленія въ деревнѣ и ея упрощеніе выставляли какъ одинъ изъ главныхъ доводовъ въ пользу реформы. Даже соединеніе въ одномъ лицѣ судебной и административной власти оправдывалось, главнымъ образомъ, необходимостью упростить систему и устранить неизбѣжную путаницу. Дѣйствительность дала прямо противоположные результаты. Въ области административнаго управленія число органовъ не измѣнилось, соподчиненіе ихъ осталось прежнее, а связь съ полицейскими органами въ лицѣ исправника, входившаго въ составъ уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, утратилась. Въ области же суда появились новые органы — земскій начальникъ, уѣздный съѣздъ и губернское присутствіе, раздѣлившіе вмѣстѣ съ уѣзднымъ членомъ окружнаго суда и отчасти съ самимъ окружнымъ судомъ, функціи бывшихъ мировыхъ судей и съѣзда и оставшагося для другой категоріи дѣлъ кассационнаго сената. Подсудность — основной показателемъ стройности судебной организациі — еще болѣе усложнилась и дошла до той степени сложности, что врядъ ли найдется во всей Россіи много юристовъ, которые всегда безошибочно и на память дадутъ отвѣтъ, какой искъ и какое преступное дѣяніе для кого и кому подсудны. Какъ же оставлять безъ правильно устроенной помощи крестьянъ — полныхъ невѣждъ въ вопросахъ матеріальнаго и процессуальнаго права!

IV.

Но они и не оставлены безъ помощи — говорятъ намъ. У нихъ есть юридическій совѣтникъ, всегда къ нимъ близкій, обязанный самимъ закономъ пещись о ихъ интересахъ — земскій начальникъ. Въ подтвержденіе обыкновенно дѣлается ссылка на именную Высочайшій указъ отъ 12 іюня 1889 г. (собр. узак. ст. 690), гдѣ „попечительство надъ сельскими обывателями“ выставлено, какъ одно изъ главныхъ основаній созданія должности земскаго начальника, и на ст. 20 врем. правилъ о волостномъ судѣ, согласно коей земскій началь-

¹⁾ Чтобы не заслужить упрека въ голословности, приведемъ слѣдующій примѣръ. Въ Бѣжецкомъ уѣздѣ, Тверской губ., въ 1876 г. 14 крестьянъ двухъ деревень купили у сосѣдняго землевладѣльца поле въ 25 десятинъ. Двое по 5 десятинъ каждый, одинъ — 3 дес., четверо — по 2 дес., одинъ — 1 дес. и шестеро — по $\frac{1}{2}$ десятины. Сообразно этому расчету, все поле тогда же было раздѣлено пополюсу на соотвѣтственные участки. Но въ купчей крѣпости значится глухо, что 14 лицъ купили сообща 25 десятинъ. Изъ первоначальныхъ покупателей живъ и пользуется неизмѣнно купленнымъ имъ участкомъ только одинъ, купившій 1 десятину. Одинъ изъ купившихъ 5 дес. раздѣлился съ тремя братьями, другой — съ двумя. Умерло четыре покупателя. Всѣ полудесятники продали свои участки другимъ пайщикамъ. Продано постороннимъ лицамъ 5 дес.: однимъ — 3 дес., другимъ — 2. Оформлена же совершеніемъ купчей крѣпости, съ предварительнымъ утвержденіемъ въ правахъ наслѣдства одного изъ двухъ сыновей умершаго пайщика, только одна сдѣлка — на 2 десятины. И оформлена такъ: въ дѣйствительности приобрѣтено покупщикомъ 2 дес., въ купчей же крѣпости сказано, что имъ приобрѣтенъ одинъ, равный со всѣми другими, пай въ размѣрѣ $\frac{1}{14}$ двадцати пяти десятинъ.

никъ можетъ, по собственной инициативѣ, въ обозначенныхъ закономъ случаяхъ, представлять рѣшенія волостного суда въ уѣздный съѣздъ для отмѣны.

Нетрудно доказать несостоятельность и этой половины формулы противниковъ предлагаемаго института. Земскій начальникъ есть правительственное должностное лицо, судья-администраторъ, призванный постановлять судебные приговоры и рѣшенія въ предѣлахъ отведенной ему компетенціи и участвовать въ мѣстномъ управленіи. Какъ администраторъ, осуществляющій въ отношеніи низшей инстанціи суда—суда волостного—нѣкоторыя функціи надзора и участвующій въ управленіи сельскими обывателями вообще, онъ дѣйствительно имѣетъ право въ извѣстныхъ случаяхъ дѣйствовать *ex officio*, безъ жалобы или просьбы стороны, и нести обязанности по „попечительству“ надъ крестьянами. Но вѣдь и въ общихъ судебныхъ установленіяхъ законъ нашъ не знаетъ полного развитія состязательнаго начала. А обязанность „попечительства“, въ кругѣ своей компетенціи, свойственна каждому административному органу—и губернатору, и фабричному инспектору, и полиціе-мейстеру, и министру. Однако ни изъ права прокурора окружнаго суда вчинать и переносить въ высшую инстанцію уголовныя дѣла безъ требованія потерпѣвшаго, ни изъ обязанности губернатора имѣть попеченіе о благосостояніи населенія вѣренной ему губерніи отнюдь еще не дѣлается вывода о бесполезности адвокатуры. Нельзя его дѣлать и въ отношеніи земскихъ начальниковъ.

Сущность дѣятельности адвоката состоитъ въ принятіи на себя представительства стороны. Когда къ нему обращаются за совѣтомъ онъ долженъ обсудить вопросъ съ точки зрѣнія интересовъ той только стороны, которая къ нему обратилась, выяснить степень законности и вѣроятности осуществленія даннаго интереса и указать наиболее цѣлесообразный для того путь. Когда его просятъ написать жалобу, прошеніе и т. п., онъ опять долженъ дѣйствовать односторонне, т. е. сгруппировать только тѣ данныя, которыя подтверждаютъ домогательство жалобчика или просителя. Когда ему поручаютъ веденіе дѣла въ судѣ—гражданскомъ или уголовномъ,—онъ ведетъ его такъ, какъ повелъ бы самъ кліентъ, если бы обладалъ его знаніями и опытомъ.

Сущность дѣятельности и судьи и администратора прямо противоположна. И тотъ и другой призваны рѣшать дѣла, т. е. осуществлять одни интересы и отвергать осуществленіе другихъ. Оцѣнивать всякій вопросъ они обязаны съ обѣихъ его сторонъ. Они пишутъ не прошенія, а рѣшенія, опредѣленія, постановленія, являющіяся результатомъ критическаго обсужденія прошеній. Ихъ защита обиженнаго можетъ имѣть мѣсто лишь послѣ всесторонняго озна-

комленія съ казусомъ, послѣ оцѣнки не однихъ доводовъ „за“, но и доводовъ „противъ“. И только такая защита лицъ, въ отношеніи которыхъ на администраторѣ лежитъ обязанность „попечительства“, для него возможна и соотвѣтствуетъ роду его дѣятельности.

Слѣдовательно, уже по самому роду своей дѣятельности земскій начальникъ не можетъ замѣнить юридическаго совѣтника. Онъ не можетъ его замѣнить еще хотя бы и потому, что, исполняя массу разнородныхъ прямыхъ своихъ обязанностей, рѣшительно не найдетъ времени писать крестьянамъ прошенія и, кромѣ разбора дѣлъ официальныхъ—для постановленія рѣшеній,—заниматься разборомъ дѣлъ частныхъ—для дачи совѣтовъ. Съ другой стороны, земскій начальникъ есть центръ деревенской судебно-административной организаціи и едва ли не въ половинѣ повседневныхъ крестьянскихъ дѣлъ принимаетъ рѣшающее участіе—или какъ начальникъ надъ органами крестьянскаго самоуправленія, или какъ единоличныи судья, или какъ членъ уѣзднаго съѣзда. А потому большинство жалобъ крестьянъ неизбѣжно имѣетъ характеръ прямого или косвеннаго обжалованія дѣйствій земскаго начальника.

На сказанное можно услышать дальнѣйшее возраженіе: родъ дѣятельности адвоката и не нуженъ деревнѣ; вполне достаточно „попечительства“ въ порядкѣ управленія; дѣйствующее же параллельно, одностороннее „попечительство“ юриста, не участвующаго въ управленіи, кромѣ вреда, ничего не дастъ. Принципіальный разборъ этого возраженія завелъ бы насъ слишкомъ далеко, такъ какъ заставилъ бы излагать все данныя науки, на основаніи которыхъ родъ адвокатской дѣятельности признается необходимымъ факторомъ правильнаго теченія государственной жизни. Поэтому, не касаясь принциповъ, поставимъ вопросъ такъ: представляютъ ли условія деревни, въ данномъ отношеніи, какое-либо отличіе отъ условій города, гдѣ польза адвокатовъ и ихъ рода дѣятельности не отвергается?

Мы видѣли, что правовыя отношенія возникающія въ крестьянской средѣ, ничуть не проще отношеній, возникающихъ въ средѣ городской и вообще между лицами другихъ сословій. Напротивъ, регламентированный закономъ менѣе точно, твердо и опредѣленно, они гораздо сложнѣе, несмотря на кажущуюся маловажность затрогиваемыхъ ими интересовъ. Мы видѣли также, въ какой мѣрѣ сложна организація лицъ и учреждений, вѣдающихъ судъ и управленіе въ деревнѣ. О томъ, что юридическое развитіе крестьянъ неизмѣримо ниже развитія землевладѣльцевъ изъ дворянъ и городскихъ обывателей, не стоитъ, конечно, и упоминать. Думаемъ, что приведенныхъ трехъ посылокъ вполне достаточно для отрицательнаго отвѣта.

Съ другой стороны, и должность земскаго

начальника не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что отличало бы ее, въ томъ же отношеніи, отъ однородныхъ должностей въ городѣ. Какъ судья, ему настолько же нужно содѣйствіе юридически представленной стороны, какъ и судья мировому, окружному суду, палатѣ, сенату. Какъ администратору, ему тѣмъ болѣе необходима правильная мотивировка просьбъ и возраженій, чѣмъ менѣе совершенны законы о крестьянахъ, чѣмъ болѣе они, по выраженію г. Новикова ¹⁾ „разбросаны въ разныхъ положеніяхъ, уставахъ, правилахъ, временныхъ и постоянныхъ“. Наконецъ, какъ и всякая другая должность, должность земскаго начальника подлежитъ контролю. Основное же средство контроля—право жалобы, осуществленіе котораго безъ юридическаго представительства такъ трудно достижимо. Законъ не одному земскому начальнику предоставилъ „попечительство“ надъ сельскими обывателями. Выше его стоятъ уѣздный съѣздъ, предводитель дворянства, губернское присутствіе, губернаторъ, гарантирующіе правильность его дѣйствій и сами несущіе обязанность высшаго „попечительства“. Г. Новиковъ приводитъ не одинъ примѣръ собственныхъ своихъ произвольныхъ рѣшеній, относящихся къ тому начальному періоду его дѣятельности, когда онъ „подтягивалъ“ мужика,—по поводу семейныхъ раздѣловъ, административной ссылки, выбора старшинъ, порядка отбытія наказаній и т. д. Авторъ искренно скорбитъ объ этихъ своихъ поступкахъ, придя послѣ семи лѣтъ службы къ такимъ выводамъ: „подтягиваніемъ ничего не добьешься“, „народъ нуждается не въ подтягиваніи, а въ воспитаніи“, „всякій произволь изъ дѣятельности земскаго начальника долженъ быть изгнанъ“, „ужасное состояніе деревни происходитъ отъ безпросвѣтнаго мрака и огульнаго невѣжества ея, съ одной стороны, отъ произвола начальства и неогражденія правъ отдѣльныхъ лицъ—съ другой“. Но каково населенію было переносить на себѣ эксперименты г. Новикова?! „Пока живъ—пашетъ онъ, вспоминая шесть лѣтъ ходившихъ къ нему матерей семи крестьянъ, сосланныхъ по его настоянію въ Сибирь,—буду помнить ихъ, спрашивающихъ, что я сдѣлалъ съ ихъ кормильцами. Нѣтъ, Боже насъ сохрани отъ усердствованія, отъ вѣчнаго проявленія нашего „я“, дадимъ дѣйствовать закону, а ссылать негодяевъ суду, и совѣсть наша будетъ спокойнѣе“ ²⁾. А между тѣмъ, если бы въ участкѣ г. Новикова была развита дѣятельность правильно организованной адвокатуры, ему навѣрное не пришлось бы теперь, черезъ семь лѣтъ, скорбѣть и каяться: его произвольныя дѣйствія были бы доведены до свѣдѣнія высшей власти, и губерн-

ское присутствіе, или губернаторъ, или министерство внутреннихъ дѣлъ, или, наконецъ, сенатъ тогда же разъяснили бы ему, что „давать дѣйствовать закону“—первая исчерпывающая обязанность должностнаго лица и что произвольное проявленіе своего „я“ называется преступленіемъ, влекущимъ по меньшей мѣрѣ, устраненіе отъ службы.

(Окончаніе слѣдуетъ).

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ.

Обозрѣніе гражданской кассационной практики за 1898 г.

Рѣшенія общихъ собраній.

Обезпеченіе судебныхъ доказательствъ, давно знакомое западно-европейскимъ законодательствамъ (*probatio in memoriam perpetuam, Sicherung des Beweises*), является у насъ институтомъ новымъ, заимствованнымъ въ 1889 г. изъ свода мѣстныхъ узаконеній губерній прибалтійскихъ. Какъ и всѣ позднѣйшія законодательныя новеллы (правила объ упрощенномъ производствѣ, законъ о несовершеннолѣтнихъ преступникахъ, законъ объ узаконеніи и усыновленіи), правила объ обезпеченіи доказательствъ редактированы недостаточно ясно и удачно, въ виду чего примѣненіе ихъ вызываетъ на практикѣ немало недоразумѣній (см. напр., „Право“ 1898 г. № 3, стр. 62). Но и помимо этихъ, ставшихъ теперь, повидимому, неизбѣжными недоразумѣній, Пр. Сенату не разъ уже (р. 1895 г. № 9, р. 1897 г. № 67) приходилось останавливаться на разъясненіи вопросовъ о соотношеніи новыхъ правилъ къ остальнымъ частямъ дѣйствующаго процесса, и въ приведенныхъ рѣшеніяхъ Пр. Сенатъ совершенно правильно установилъ, что „просьбы объ обезпеченіи доказательствъ составляютъ *отдѣльный* отъ исковаго производства *особый видъ частныхъ производствъ*“ (курсивъ подлинника), что „сами по себѣ дѣла по просьбамъ объ обезпеченіи не составляютъ еще никакого иска“.

Вотъ это-то именно строгое разграниченіе упущено изъ виду общимъ собраніемъ касс. департаментовъ Пр. Сената въ рѣшеніи № 7 за 1898 г. по вопросу, можетъ ли быть допущено обезпеченіе доказательствъ для потерпѣвшаго, намѣревающагося предъявить искъ къ должностному лицу о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные его распоряженіями (разд. II кн. III уст. гр. суд. ст. 1316—1336). Какъ извѣстно, раздѣлъ этотъ устанавливаетъ два отдѣльныхъ порядка по такому рода искамъ: одинъ для исковъ къ лицамъ судебного вѣдомства, другой—къ чиновникамъ остальныхъ вѣдомствъ. Главное отличіе заключается въ томъ, что по дѣламъ перваго рода исковыя просьбы разсматриваются предвари-

¹⁾ А. Новиковъ. Записки „земскаго начальника“, стр. 58.

²⁾ Тамъ же, стр. 2, 22, 45, 86, 99, 142.

тельно въ закрытомъ засѣданіи суд. палаты или Сената, которые, признавъ просьбу о разрѣшеніи отыскивать убытки подлежащей удовлетворенію, назначаютъ окр. судъ, въ который проситель можетъ обратиться съ искомъ о вознагражденіи сихъ убытковъ (ст. 1334, 1335). Основываясь на этомъ различіи, Пр. Сенатъ даетъ диаметрально-противоположные отвѣты на поставленный вопросъ относительно исковъ къ лицамъ суд. вѣдомства—съ одной и чиновникамъ другихъ вѣдомствъ—съ другой стороны.

„Такъ какъ, говоритъ Сенатъ, въ правилахъ объ обеспеченіи доказательствъ (ст. 82¹—82⁸ и 369¹ уст. гр. суд.) не содержится изъятія изъ дѣйствія ихъ какого-либо рода дѣлъ, дѣла же, предусмотрѣнные ст. 1316—1330⁶ уст. гр. суд., въ порядкѣ возникновенія и производства не представляютъ такихъ особенностей, съ которыми оказывалось бы несомвѣстнымъ примѣненіе правилъ объ обеспеченіи доказательствъ, то изъ сего слѣдуетъ прийти къ заключенію, что постановленія статей 82¹—82⁸ и 369¹ уст. гр. суд. вполне примѣнимы къ искамъ, предъявленнымъ къ должностнымъ лицамъ административнаго вѣдомства въ порядкѣ, указанномъ 1316—1330⁶ ст. уст. гражд. суд.“

Что же касается исковъ къ должностнымъ лицамъ судебного вѣдомства, то здѣсь, напротивъ, по мнѣнію Сената, обеспеченіе не можетъ быть допускаемо, прежде чѣмъ не послѣдуетъ разрѣшеніе высшей инстанціи на предъявленіе иска. Выводъ этотъ основанъ единственно на томъ соображеніи, что, какъ указывается въ мотивахъ къ ст. 1331—1336¹, „при начертаніи сихъ правилъ признавалось невозможнымъ ставить судью въ положеніе отвѣтника, прежде чѣмъ разрѣшенъ вопросъ о допущеніи иска о вознагражденіи за убытки“. „Между тѣмъ, какъ говоритъ Сенатъ, по просьбѣ объ обеспеченіи доказательствъ вызываются какъ проситель, такъ и противная сторона, которая поставлена въ необходимость принять участіе въ этомъ производствѣ подъ опасеніемъ невыгодныхъ для нея послѣдствій“. Едва ли, однако, это соображеніе можетъ служить основаніемъ для того отрицательнаго вывода, къ которому приходитъ рѣшеніе. Отвѣчикомъ называется лицо, къ которому предъявленъ искъ. Между тѣмъ при просьбѣ о предварительномъ обеспеченіи доказательствъ нѣтъ еще рѣчи объ искѣ, настолько нѣтъ рѣчи, что законъ (82⁷ ст.) допускаетъ даже возможность обеспеченія доказательствъ при неуказаніи просителемъ противной стороны. Если же нѣтъ иска, то нѣтъ и отвѣтника, а слѣдовательно, и предъявленіемъ просьбы объ обеспеченіи доказательствъ судья вовсе не ставится преждевременно въ положеніе отвѣтника. Кромѣ того, Сенатъ игнорируетъ то обстоятельство, что въ стремленіи оградить интересы частныхъ лицъ своевременнымъ констатированіемъ доказательства, утрата кото-

раго часто равносильна потерѣ права, законъ (82⁵) допускаетъ даже разрѣшеніе просьбъ объ обеспеченіи доказательствъ безъ вызова противной стороны, слѣд., присутствію противника справедливо придаетъ меньше значенія, нежели предупрежденію могущаго стать невознаградимымъ вреда. И если бы даже согласиться, что въ интересахъ огражденія достоинства правосудія не слѣдуетъ допускать, чтобы судья вызывался отвѣчикомъ въ судъ по всякой жалобѣ, какъ бы вздорна она не была, то едва ли можно сомнѣваться, что этимъ интересамъ нельзя приносить въ жертву гражданскія права частныхъ лицъ. Вотъ почему мы думаемъ, что и дѣла о взысканіи убытковъ съ судей не представляютъ такихъ особенностей, которые несомвѣстимы съ допущеніемъ предварительнаго обеспеченія доказательствъ, а такъ какъ, говоря словами Сената, въ ст. 82¹—82⁸ и 369¹ уст. гр. суд. не содержится изъятія для какого-либо рода дѣлъ, то правила этихъ статей должны найти примѣненіе и къ разсматриваемымъ дѣламъ.

Необычайной краткостью (всего 23 строки) и категоричностью отличается рѣшеніе за № 20 по вопросу о необходимости представленія кассационнаго залого при подачѣ кассационныхъ жалобъ на рѣшенія и приговоры сибирскихъ судебныхъ установленій. Намъ приходилось уже высказываться по этому поводу при обсужденіи рѣшенія Казанской судебной палаты (см. „Право“ № 11 стр. 592—594), давшей отрицательный отвѣтъ на поставленный выше вопросъ (насколько намъ извѣстно, Иркутская суд. палата разрѣшала этотъ вопросъ въ смыслѣ противоположномъ). Точно также и Пр. Сенатъ приходитъ къ отрицательному отвѣту, причемъ рѣшеніе его столь любопытно, что мы позволимъ себѣ привести его здѣсь *in extenso*: „предложенный на разсмотрѣніе вопросъ долженъ быть разрѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ на основаніи нижеслѣдующаго соображенія: ст. 177 уст. уг. суд. и ст. 190 уст. гр. суд. устанавливаютъ представленіе залоговъ лишь по дѣламъ, поступающимъ въ кассационные департаменты Правительствующаго Сената, причемъ, какъ это видно изъ справки съ законодательными источниками вышеуказанныхъ статей закона, принятіе такой мѣры было вызвано необходимостью предупредить наплывъ неосновательныхъ жалобъ въ высшее судебное учрежденіе въ Имперіи. Съ изданіемъ закона 13 мая 1896 г. объ устройствѣ судебной части въ Сибири, обязанности касс. департаментовъ, въ отношеніи разсмотрѣнія жалобъ на окончательные приговоры окр. судовъ, постановленные въ качествѣ мир. сѣздовъ, перенесены на суд. палаты—Казанскую и Иркутскую, находящіяся въ иныхъ условіяхъ дѣятельности, чѣмъ Пр. Сенатъ. Вслѣдствіе сего и въ виду отсутствія въ Выс. утв. 13 мая 1896 г. врем. правилъ о примѣненіи суд. уставовъ въ Сибири какихъ

либо постановлений о представлении кассационных залогов по дѣламъ, поступающимъ въ суд. палату на основаніи ст. 37 и 69 врем. правилъ, слѣдуетъ прийти къ заключенію, что для дѣлъ этой послѣдней категоріи представленіе кассационныхъ залоговъ не установлено.“

Итакъ, вопросъ разрѣшается не на основаніи прямого смысла закона, а на основаніи тѣхъ побужденій, которыми руководился законодатель и которые остались, такъ сказать, внѣ содержанія закона, совершенно яснаго и простого. Вполнѣ справедливо, конечно, что ст. 190 уст. гр. суд. и 177 ст. у. уг. суд. говорятъ только о Пр. Сен., но въдѣ тогда, въ 1868 г., когда издавался этотъ законъ, у насъ, какъ и вездѣ на западѣ, была лишь одна кассационная инстанція и едва ли можно было въ то время предвидѣть, что черезъ два-три десятка лѣтъ у насъ образуется много различныхъ сенатовъ. Достаточно отмѣтить, что толкованіе, преподаваемое въ разсматриваемомъ рѣшеніи, должно было бы быть существенно инымъ, если бы оказалось, что и въ судебныхъ палатахъ замѣчается уже наплывъ кассационныхъ жалобъ, чтобы лишить это толкованіе всякой законной почвы.

Правда также, что при самомъ кропотливомъ изученіи врем. правилъ въ нихъ нельзя найти присутствія какихъ-либо постановлений о представленіи касс. залога, но за то первое, что приходится прочитать въ правилахъ—это ст. I, которая гласитъ: „судебныя установленія образуются въ губерніяхъ и областяхъ Сибири на основаніи судебныхъ уставовъ съ нижеслѣдующими измѣненіями и дополненіями“. Поэтому, именно отсутствіе какихъ-либо постановлений о кассац. залогѣ доказываетъ, что нужно примѣнить общія правила, и то обстоятельство, что для Сибири установлена иная кассац. инстанція, не можетъ имѣть никакого значенія, разъ порядокъ принесенія жалобъ оставленъ прежній и никакихъ измѣненій въ этомъ отношеніи врем. правила не вносятъ. Вотъ почему, безусловно сочувствуя освобожденію сибирскаго населенія отъ серьезной преграды къ правосудію, тѣмъ болѣе, что въ Сибири, насыщенной печальными воспоминаніями дореформенной юстиціи, необходимо еще воспитать довѣріе къ суду, мы думаемъ, однако, что отрицательное разрѣшеніе поставленнаго вопроса могло послѣдовать лишь въ законодательномъ порядкѣ.

Объ обложеніи наследственными пошлинами имущества русскихъ подданныхъ, находящагося за границею.

Въ одномъ изъ предшествующихъ номеровъ „Права“¹⁾ мы рассмотрѣли вопросъ о наследственныхъ пошлинахъ, взимаемыхъ съ иностранцевъ въ Россіи. Въ настоящемъ очеркѣ мы намѣрены подвергнуть анализу

обратный случай, т. е. когда послѣ русскаго подданаго остается имущество за границею.

Положеніе 15 іюня 1882 года не содержитъ въ себѣ по данному вопросу, какъ извѣстно, никакихъ указаній. Это обстоятельство послужило для нашихъ судовъ и казенныхъ палатъ источникомъ большихъ затрудненій, но тѣмъ не менѣе, съ теченіемъ времени, установилась—по крайней мѣрѣ, для нѣкоторыхъ случаевъ—болѣе или менѣе однородная практика. Такъ, съ самаго начала примѣненія положенія принято было за аксіому, что *недвижимыя* имущества, остающіеся послѣ русскихъ подданныхъ за границею ни въ коемъ случаѣ обложенію не подлежатъ—причемъ мотивомъ такого рѣшенія вопроса неизмѣнно выставлялось и выставляется то обстоятельство, что порядокъ наслѣдованія въ недвижимостяхъ опредѣляется закономъ ихъ мѣстонахожденія.

Засимъ, относительно *движимыхъ* имуществъ Сенатомъ было установлено въ 1892 году, что, въ случаѣ перехода такихъ имуществъ къ *русскимъ* подданнымъ, пошлина должна быть взыскана на общемъ основаніи. Мотивы, заставившіе Сенатъ принять такую точку зрѣнія, заключаются въ слѣдующемъ: 1) ни въ одной изъ статей положенія 1882 года не сдѣлано никакого различія между движимымъ имуществомъ, находящимся въ Россіи, и тѣмъ, которое находится внѣ предѣловъ ея; 2) указывая, какія имущества освобождаются отъ оплаты пошлиною (ст. 2), положеніе не только не относитъ къ нимъ имущества движимаго, находящагося за границей, но, прямо называя не подлежащими этой льготѣ капиталы (п. 4 ст. 2), не устанавливаетъ для тѣхъ изъ нихъ, которые окажутся въ числѣ открывшагося внѣ Россіи наслѣдства, какихъ-либо изъятій; наконецъ 3) по смыслу ст. 1 и 2 временныхъ правилъ о порядкѣ исчисленія и взиманія пошлинъ съ наслѣдственныхъ имуществъ (прил. къ 161 ст. устава о пошлинахъ), о каждомъ наслѣдственномъ имуществѣ подается особое заявленіе, которое должно заключать въ себѣ возможно полное перечисленіе всѣхъ, входящихъ въ составъ наслѣдства, капиталовъ, а слѣдовательно и находящихся внѣ Россіи¹⁾.

Наконецъ, относительно третьяго возможнаго случая—перехода движимаго имущества къ *иностранному* подданному—Сенату еще не пришлось высказаться, и твердо установившейся административной практики не существуетъ.

Обращаясь къ анализу вопроса съ теоретической точки зрѣнія, мы должны, прежде всего, отмѣтить всю шаткость приведенной выше аргументаціи Сената. На самомъ дѣлѣ, первые два изъ выставленныхъ имъ мотивовъ составляютъ чистѣйшее *petitio principii*: разрѣшенію подлежалъ вопросъ о молчаніи закона—между тѣмъ Сенатъ *изъ* этого обстоятельства дѣлаетъ выводъ о томъ, что законодатель имѣлъ въ виду обложить пошлиной движимости, находящіяся за границей, т. е., другими словами, Сенатъ исходитъ изъ такого положенія, которое само нуждается въ доказательствѣ. Что же касается третьяго мотива—ссылки на подаваемые наслѣдниками заявленія, то оны такъ мало убѣдительны, такъ

¹⁾ № 14, стр. 712 слѣд.

¹⁾ Рѣш. 1-го общ. собр. 1892 г. № 25; ср. гражд. касс. 1892 г. №№ 104 и 109.

какъ, согласно ст. 2 временныхъ правилъ, въ эти заявленія должны включаться не только движимыя, но и недвижимыя имущества; послѣднія же, какъ мы выше упомянули, считаются безусловно изъятыми отъ обложения.

Такимъ образомъ, если правила положенія 1882 г. и должны распространяться на движимости, переходящія за границей къ нашимъ соотечественникамъ, то во всякомъ случаѣ по инымъ соображеніямъ, чѣмъ тѣ, которыя приведены въ разобранномъ нами сенатскомъ рѣшеніи.

Весь вопросъ сводится, какъ мы уже упомянули, къ выясненію значенія (толкованію) молчанія нашего закона. Здѣсь мы прежде всего должны отмѣтить, что хотя взиманіе пошлины съ имуществъ, находящихся за границей, и должно повести, въ большинствѣ случаевъ, къ *двойному* обложению—по иностранному и по русскому закону,—однако это обстоятельство, само по себѣ, не можетъ служить доказательствомъ противъ распространительнаго толкованія нашего положенія. Правда, въ литературѣ иногда выставляется требованіе однократнаго обложенья¹⁾, но это лишь теоретическій постулатъ, *primum desiderium*, а не положительная правовая норма. *De lege ferenda* и въ интересахъ справедливости можно рекомендовать ту систему, которой придерживаются, напр., Саксонскій²⁾ и Прусскій³⁾ законы, т. е. системы вычета изъ наследственной пошлины той суммы сбора, которая уже была уплачена въ томъ государствѣ, гдѣ открылось наследство, но *de lege lata*, двойное обложение должно быть признано совершенно законнымъ явленіемъ. Такимъ образомъ, нѣтъ сомнѣній, что если бы русскій законодатель захотѣлъ привлечь къ обложению имущества, находящагося за границей, онъ безпрепятственно могъ бы это сдѣлать; другой вопросъ, насколько его намѣренія были бы фактически осуществимы. Дѣло въ томъ, что на практикѣ взиманіе налога, въ данномъ случаѣ, возможно лишь тогда, когда русскія власти призваны, такъ или иначе, участвовать въ утвержденіи завѣщанія или распоряженія наследственной массой, ибо, въ противномъ случаѣ, самый фактъ перехода имущества изъ рукъ въ руки остается имъ неизвѣстнымъ и, слѣдовательно, наследство ускользнетъ отъ обложенья⁴⁾. Между тѣмъ, Россія въ настоящее время связана конвенціями о наследствахъ лишь съ Франціею, Германіею, Италіею, Испаніею, Швеціею и Норвегіею и Австріею (коммерческій трактатъ 1860 года), и только въ этихъ государствахъ мѣстныя власти должны извѣщать нашего консула о смерти русскаго подданнаго и принимать, совмѣстно съ нимъ, требуемая закономъ мѣры

охраненія наследства. Во всѣхъ прочихъ странахъ консулъ можетъ и не быть поставленъ въ извѣстность объ открывшемся наследствѣ русскаго подданнаго, и самое утвержденіе въ правахъ можетъ произойти въ мѣстныхъ судахъ, безъ вѣдома и участія русскихъ властей. Но этого мало: даже въ тѣхъ государствахъ, съ коими заключены конвенціи, наследства, состоящія исключительно изъ недвижимостей, переходятъ къ наследникамъ на основаніи *lex rei sitae*; и лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда въ наследственную массу входятъ и движимости и недвижимости, русская казна имѣетъ фактическую возможность заставить наследниковъ уплатить что-либо въ свою пользу, такъ какъ лишь при этомъ условіи дѣло доходитъ до русской судебной власти.

Но оставимъ въ сторонѣ эти чисто-практическія соображенія и спросимъ себя, имѣетъ ли проводимое нашей практикою различіе между движимостями и недвижимостями разумное юридическое основаніе? Напомнимъ, что въ основу этого различія кладется воззрѣніе, будто наследство въ недвижимости управляется закономъ мѣстонахожденія, тогда какъ наследство въ движимости подчиняется отечественному закону наследодателя.

Не останавливаясь пока на томъ, насколько подобная постановка вопроса, сама по себѣ, правильна, отмѣтимъ лишь, что изложенная точка зрѣнія лишена всякой опоры какъ *de lege ferenda*, такъ—въ Россіи—и *de lege lata*.

Уже со временъ Савиньи въ литературѣ международнаго права проводится тотъ взглядъ, что *все* наследство должно разсматриваться какъ одно цѣлое и опредѣляться національнымъ закономъ наследодателя. Поэтому, какъ говоритъ проф. Мартенсъ, „гдѣ бы ни умеръ иностранецъ и гдѣ бы онъ ни имѣлъ движимую или недвижимую собственность, повсюду долженъ получить примѣненіе и къ движимымъ и недвижимымъ имуществамъ, составляющимъ наследство, національный законъ наследодателя“¹⁾. Такова въ настоящее время *communis opinio doctorum*—точка зрѣнія, усвоенная и нѣкоторыми западно-европейскими законодательствами (италианское гражд. улож., саксонскій кодексъ). Въ большинствѣ же странъ, дѣйствительно, продолжаетъ господствовать иное направленіе—подчиненіе недвижимостей *lex rei sitae*, а движимостей національному закону наследодателя; но Россія въ данномъ отношеніи занимаетъ совершенно особое мѣсто: у насъ, по общему правилу, *какъ недвижимости, такъ и движимости подчинены закону мѣстонахожденія имущества, т. е. русскому закону*. Въ чрезвычайной обстоятельно мотивированномъ рѣшеніи Сената въ 1888 году (рѣш. гражд. касс. деп. по дѣлу Якипча) далъ блестящее доказательство справедливости выставленнаго нами положенія. Мы позволимъ себѣ поэтому сдѣлать небольшія выписки изъ этого рѣшенія. „Изъ общихъ постановленій русскаго законодательства нельзя не усмотрѣть, что иностранцы, находясь въ Россіи, какъ лично, такъ и по имуществу ихъ, подле-

¹⁾ См., напр., *Ф. Ф. Мартенсъ*. Современное международное право, II, 1888, стр. 326.

²⁾ Gesetz über die Erbschaftssteuer 13 ноября 1876 г.

³⁾ Gesetze betreffend die Erbschaftssteuer 24 мая 1891 г. и 31 июля 1895 г.

⁴⁾ Едва ли какое-нибудь государство согласится предписать своимъ органамъ взимать пошлину въ пользу другой державы. Во всякомъ случаѣ, за отсутствіемъ конвенціи—и мы сильно сомнѣваемся, чтобы правительства охотно стали бы заключать такія конвенціи,—это являлось бы лишь актомъ куртуазіи, а не исполненіемъ обязанности.

¹⁾ Назв. соч. II, 320. См. *v. Bar*—Théorie und Praxis des internationalen Privatrechts 1889, II, 300; *Asser-Rivier*—Droit international privé 1884, p. 136 suiv.; *Weiss*—Traité élémentaire de droit international privé, 1890, p. 677 и слѣд.

жать дѣйствію русскихъ законовъ и пользуются общеоныхъ защитою и покровительствомъ (ст. 995 т. IX зак. о сост.); что въ соотвѣтствіе сему общему началу и порядокъ наслѣдованія иностранцевъ въ имуществахъ, остающихся въ Россіи, опредѣляется общими правилами, для коренныхъ подданныхъ дѣйствующими (ст. 1009 т. IX зак. о сост. и ст. 1218 т. X ч. 1), и что, на основаніи 224 уст. гражд. суд., дѣла иностранцевъ, находящихся въ Россіи, подлежатъ вѣдомству русскихъ судебныхъ установлений, а потому ихъ вѣдѣнію подлежатъ, несомнѣнно, и дѣла о наслѣдствахъ, открывающихся послѣ умершихъ въ Россіи иностранцевъ... Выдѣленіе движимыхъ имуществъ, какъ предмета особыхъ правилъ, совершенно впервые въ ст. XIV заключенной 12 февр. 1847 г. между Россіею и Австріею конвенціи о мореплаваніи⁴. Такимъ образомъ, подчиненіе *всего* наслѣдства русскимъ законамъ—общее правило. Исключенія же предусмотрены лишь: 1) въ конвенціяхъ о наслѣдствахъ (подчиненіе движимостей національному закону) и 2) въ уставѣ кредитномъ—ст. 66 разд. II и 59 разд. III (вѣчные вклады и непрерывно-доходные билеты). Въ этихъ случаяхъ примѣненіе національнаго закона мѣста имѣть не можетъ ни въ отношеніи движимостей, ни въ отношеніи недвижимыхъ имѣній¹).

Но если бы даже мы и были не правы, то въ отношеніи наслѣдственныхъ пошлинъ и законности взиманія ихъ съ имуществъ, находящихся за границей, это мало что измѣнило бы. Дѣло въ томъ, что выраженіе „наслѣдство подчиняется тому или иному закону“ означаетъ только то, что *порядокъ наслѣдованія и содержаніе наслѣдственныхъ правъ* подчиняются либо мѣстному, либо личному закону наслѣдодателя. На основаніи этого закона обсуждается вопросъ объ указной части, о правахъ супруговъ и восходящихъ, о силѣ завѣщанія (по существу), о порядкѣ наслѣдованія въ боковыхъ линіяхъ—словомъ, опредѣляется содержаніе и объемъ *частныхъ* правъ наслѣдниковъ. Что же касается права государства—отечества наслѣдодателя облагать пошлиною наслѣдственную массу, то оно совершенно не зависитъ отъ того, какой законъ получить въ данномъ случаѣ примѣненіе. Это уже вопросъ совершенно иного порядка, нисколько не зависящій отъ принятаго государствомъ мѣстонахожденія имущества взгляда на пространство дѣйствія гражданского закона. Въ одномъ случаѣ рѣчь идетъ о публично-правовыхъ полномочіяхъ государства, въ другомъ—о содержаніи *частныхъ* правъ тѣхъ или другихъ частныхъ лицъ.

Такимъ образомъ, лежащій въ основѣ нашей судебно-административной практики взглядъ является ничѣмъ инымъ, какъ плодомъ недоразумѣнія, ибо привлеченіе къ обложенію движимостей, находящихся внѣ предѣловъ Имперіи и освобожденіе отъ онаго недвижимостей отнюдь не можетъ быть выведено изъ того обстоятельства, что наслѣдство въ недвижимостяхъ опредѣляется на основаніи *lex rei sitae*.

Но, быть можетъ, дѣло тутъ вовсе не въ томъ, какимъ закономъ управляется наслѣдство, а все за-

виситъ отъ того, чему подчиняются недвижимости какъ таковыя? На основаніи общепризнанныхъ началъ, недвижимости управляются *lex rei sitae*: не слѣдуетъ ли изъ этого, что онѣ должны быть облагаемы только согласно мѣстнымъ законамъ?

Эта точка зрѣнія, съ которою намъ также пришлось встрѣчаться, нѣсколько правильнѣе, чѣмъ только что разсмотрѣнная; но и она не свободна отъ заблужденій и потому не можетъ служить руководящей нитью при разрѣшеніи интересующаго насъ вопроса.

Дѣло въ томъ, что если подразумѣвать подъ *lex rei sitae* публично-правовыя нормы, то имъ несомнѣнно подчиняются всѣ недвижимости, находящіяся въ предѣлахъ территоріи, но въ одинаковой степени подчинены имъ и движимости. *Всѣ* собственники или владѣльцы въ государствѣ обязаны подчиняться законамъ и административнымъ распоряженіямъ, касающимся публичнаго порядка (*lois de police et de sûreté*, по французской терминологіи)—и въ этомъ отношеніи нѣтъ никакой возможности провести какое бы то ни было различіе между движимостями и недвижимостями. Если же, говоря о *lex rei sitae*, имѣть въ виду *содержаніе правъ на вещи*, то опять-таки такая постановка вопроса не даетъ никакой точки опоры для опредѣленія правъ государства на обложеніе наслѣдственныхъ имуществъ¹).

Изложенныя нами соображенія имѣли цѣлью показать, что тѣ теоретическія основанія, на которыхъ зиждется какъ сенатская, такъ и административная практика, совершенно непригодны для разрѣшенія вопроса въ томъ или иномъ смыслѣ. Ссылка на молчаніе нашего закона и на подчиненіе движимостей національному закону (собственника или наслѣдодателя) рѣшительно не говоритъ ни за, ни противъ распространительнаго толкованія положенія 1882 г. Необходимо для достиженія цѣли идти инымъ путемъ, и обратить вниманіе, съ одной стороны, на юридическій характеръ взаимной русской казной пошлины и, съ другой, на природу той связи, которая существуетъ между государствомъ и его подданнымъ, пребывающимъ за границею.

Если бы установленный положеніемъ сборъ былъ пошлиною въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. платою за услугу, оказываемую государствомъ, то взиманіе ея оправдывалось бы во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда рус-

¹) На основаніи такъ называемой теоріи статутовъ къ движимости долженъ примѣняться *lex domicilii* (*mobilia personam sequuntur*), а къ недвижимостямъ—*lex rei sitae*. За послѣднее время, однако, эта точка зрѣнія подверглась научной критикѣ, и большинство писателей нынѣ требуетъ, чтобы законъ мѣстонахожденія получалъ одинаково примѣненіе какъ къ *mobilia*, такъ и къ *immobilia*. Слѣдуетъ замѣтить, что значительная часть движимостей имѣетъ, въ настоящее время, свой особый домициль: таковы корабли (портъ приписки), государственныя бумаги (государства, выпустившія ихъ) различнаго рода акціи и облигаціи и т. д. Къ такимъ *mobilia*, несомнѣнно, наиболѣе цѣлесообразно примѣненіе закона этого домициля. На практикѣ большинство странъ придерживается до сихъ поръ теоріи статутовъ. См. *Ф. Ф. Мартенсъ*, наив. соч. II, § 77 и приведенная тамъ литература. Ср. докладъ члена института междунар. права *Barday*, въ *annuaire* этого института, XVI, 118 слѣд.

⁴) Такъ напр., если бельгіецъ умретъ въ Россіи и оставить послѣ себя капиталъ въ звонкой монетѣ или кред. билетахъ, то къ его наслѣдству будетъ примѣненъ русскій законъ. Автору такой случай извѣстенъ.

скія власти приходили бы въ соприкосновеніе съ наследственной массою — путемъ ли охраненія имущества, утвержденія завѣщанія, передачи имущества наследникамъ и т. п. Но, какъ мы уже указали въ предшествующемъ очеркѣ („Право“, № 14, стр. 718), взимаемая у насъ наследственная пошлина есть *налогъ*, въ истинномъ значеніи этого слова, и при томъ налогъ на имущество. Слѣдовательно, то или другое дѣйствіе, произведенное русскими властями — консуломъ или судомъ, — не является еще, само по себѣ, достаточнымъ основаніемъ для взыскаія сбора. Рѣшающими, въ данномъ случаѣ, намъ представляются слѣдующія соображенія.

Относительно тѣхъ имуществъ, которыя находятся въ его предѣлахъ, всякое государство вольно принимать тѣ мѣры, которыя кажутся ему цѣлесообразными; въ частности, оно можетъ ихъ обложить всевозможными налогами, и современное правосознаніе требуетъ лишь одного — чтобы иностранцы не были поставлены въ худшее положеніе, чѣмъ туземцы. Что же касается имущества, находящихся за границей, то на нихъ простирается опека государства — мѣстонахожденія, будь то недвижимости или движимости, и никакой налогъ, установленный отечествомъ собственника ихъ, не можетъ на нихъ упасть. Это непосредственно вытекаетъ изъ понятій территориальнаго верховенства и принципа независимости государствъ ¹⁾. Съ другой стороны несомнѣнно, что государство можетъ возложить на своихъ подданныхъ, на случай пребыванія за границей, извѣстныя обязанности и повинности — въ томъ числѣ и уплату, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, денежныхъ сборовъ. Но всѣ эти сборы, по существу своему, не могутъ не носить личнаго характера: они падаютъ на лицо, какъ таковое и, въ случаѣ перемѣны подданства, теряютъ всякій смыслъ и значеніе.

Изъ сказаннаго, думается намъ, непосредственно вытекаетъ, что имущественный налогъ не можетъ, путемъ толкованія, получить характеръ личнаго: для этого требуется ясная воля законодателя. Только тогда, когда послѣдній этого опредѣленно потребовалъ, пошлина можетъ взиматься за переходъ такихъ имуществъ, которыя находятся внѣ предѣловъ страны. Презумпція, въ данномъ случаѣ, всегда противъ распространительнаго толкованія — и на практикѣ всѣ тѣ государства, которыя допускаютъ обложеніе открывшихся за границей наследствъ, содержатъ въ себѣ точныя и опредѣленныя правила на этотъ счетъ. Въ иномъ положеніи находится, какъ мы видимъ, Россія; положеніе 1882 г. ни единымъ словомъ не касается разбираемаго случая. Поэтому, въ силу приведенныхъ нами аргументовъ, мы должны признать, что законодатель *не* имѣлъ въ виду наследствъ, открывающихся за границей и не предполагалъ подвергнуть ихъ обложенію, изъ какихъ бы имуществъ ни состояли эти наследства и къ кому бы они ни переходили.

Л. Шалландъ.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

La Haute-Cour de Justice.

Палата депутатовъ, низвергнувши кабинетъ Дюпюи, въ формулѣ перехода къ очереднымъ дѣламъ высказала, что она „окажетъ довѣріе только тому министерству, которое энергично будетъ поддерживать и защищать республиканскія учрежденія“. Министерство Вальдека-Руссо и сформировалось, исходя именно изъ этой формулы; вотъ почему первой заботой его по вступленіи во власть было раскрыть всѣ нити обширнаго заговора противъ республики, существованіе котораго было констатировано еще предшествующимъ кабинетомъ Дюпюи. Цѣлый рядъ арестовъ, обысковъ и предварительныхъ дознаній выявили существованіе множества корпорацій, лигъ, обществъ, которые, имѣя различную организацію, различныя статуты, преслѣдовали одну главную цѣль — уничтоженіе республиканскаго образа правленія и возведеніе на французскій престолъ представителя Орлеанскаго дома — герцога Филиппа Орлеанскаго.

Предводители всѣхъ этихъ различныхъ антиреспубликанскихъ группъ устраивали пробныя уличные безпорядки, вербовали въ свои ряды изъ всѣхъ классовъ общества; но особенно усиленная пропаганда велась въ арміи и среди мясниковъ предмѣстья Парижа La Villette. Внезапная смерть президента Фора и избраніе Лубэ казались особенно благоприятнымъ моментомъ для переворота; безпорядки принимаютъ болѣе опасный характеръ и кончаются неудавшейся попыткой Деруледа увлечь войска и идти на Елисейскій дворецъ. Безпримѣрная манифестація во время скачекъ въ Отейль является продолженіемъ той же программы. Съ герцогомъ Орлеанскимъ все время ведется оживленная переписка путемъ шифрованныхъ телеграммъ; наконецъ, въ понедѣльникъ 14 августа было назначено произвести въ Парижѣ и въ Реннѣ одновременно убійство главнѣйшихъ республиканскихъ дѣятелей; аресты вождей этого заговора помѣшали совершиться новой Варолюмеевской ночи, и только предательская пуля едва не убила мужественнаго борца за право и свободу Фернандо Лабори.

Заговоръ, такимъ образомъ, является вполне организованнымъ и, какъ читатели увидятъ ниже, собранный слѣдствіемъ матеріалъ не оставляетъ никакого сомнѣнія относительно намѣреній и цѣлей заговорщиковъ. 24 августа президентъ республики подписалъ декретъ о созваніи верховнаго суда для суда надъ заговорщиками.

Такимъ верховнымъ судомъ по французской конституціи является сенатъ, который въ этихъ случаяхъ изъ законодательнаго учрежденія превращается въ судебное и носитъ въ это время особое названіе „Haute Cour de Justice“.

I.

Учрежденіе экстраординарнаго верховнаго трибунала для обсужденія нѣкоторыхъ преступленій, касающихся государственной безопасности, было предусмотрено всѣми французскими конституціями, начиная съ конституціи 1791 года; въ этой послѣдней было

¹⁾ См. дѣльныя замѣчанія *Lehr*. Les bases de l'impôt en droit international въ Revue de droit international, 1897, p. 428 et suiv.

сказано, что „законодательному корпусу принадлежит исключительное право возбуждать предъ *высшимъ кассационнымъ судомъ* преслѣдованіе противъ министровъ и другихъ главныхъ представителей исполнительной власти, а также обвинять предъ тѣмъ же судомъ лицъ, виновныхъ въ заговоръ противъ безопасности государства или противъ конституціи“. Конституція подробно регламентировала составъ и дѣлопроизводство этого верховнаго кассационнаго суда, который функционировалъ, такъ сказать, *ratione materiae*. Верховный судъ, установленный конституціей III года республики, имѣлъ компетенцію болѣе ограниченную — *ratione personae*. Въ §§ 265—273 сказано: *Il y a une Haute-Cour de Justice pour juger les accusations admises par le Corps législatif soit contre ses propres membres soit contre ceux du Directeur exécutif*“.

Хартія 1814 года предоставила компетенцію верховнаго суда палатѣ пэровъ, причемъ за палатой депутатовъ осталось право „*saisir*“ *Haute-Cour*. Преступленія, подлежащія этому суду, были государственная измѣна и попытки измѣненія государственнаго строя. Въ такомъ видѣ постановленія 1814 года были перенесены въ конституцію 1830 года. Конституція 1 ноября 1848 года уничтожила дѣленіе законодательнаго корпуса на двѣ палаты и образовала одно національное собраніе; поэтому неизбѣжно должна была измѣниться и система хартіи 1830 года. Конституція 1848 года образовала верховный судъ, состоящій изъ пяти судей и двухъ дополнительныхъ, выбираемыхъ изъ состава кассационнаго суда и 36 присяжныхъ, выбираемыхъ среди членовъ генеральныхъ совѣтовъ, причемъ „народные представители ни въ какомъ случаѣ не могли быть избираемы въ члены этого суда“.

Наполеоновскій *coup d'Etat* 1852 года внесъ новое измѣненіе въ государственное устройство Франціи и въ организцію *Haute Cour*. Сенатусконсулътъ 10 іюня 1852 года образовалъ особый верховный судъ, созываемый не иначе, какъ по декрету императора. Этотъ судъ состоялъ изъ двухъ камеръ, изъ которыхъ одна исполняла обязанность камеры преслѣданія суду; этому суду подлежали преступленія — заговоръ противъ главы государства или противъ внутренней или внѣшней безопасности государства. Сенатусконсулътъ 1858 года расширилъ компетенцію *Haute-Cour*; его суду подлежали — за совершенныя ими преступленія — члены императорской фамиліи, министры, сенаторы.

Въ періодъ 1871—1875 года не существовало совершенно *Haute-Cour*. Конституція 1875 года восстановила это учрежденіе и передала функціи эти сенату. § 9 конституціи 1875 года гласитъ: „*Le sénat peut être constitué en Cour de justice pour juger, soit le Président de la République, soit les ministres et pour connaître des attentas commis contre la sûreté de l'Etat*“. Въ текстѣ конституціи не содержится относительно верховнаго суда больше никакихъ указаній, и только законъ 16 іюля 1875 года въ § 12 далъ нѣкоторыя подробности относительно установленія *Haute Cour*. По этому закону сенатъ можетъ быть преобразованъ въ верховный судъ декретомъ президента республи-

ки для суда надъ обвиняемыми въ покушеніи на цѣлость и безопасность государства. „Позднѣйшій законъ опредѣлитъ судопроизводство и способъ веденія предварительнаго и судебного слѣдствія предъ верховнымъ судомъ“. Такой законъ былъ изданъ 10 апрѣля 1889 года, когда впервые былъ созванъ *Haute-Cour* для суда надъ генераломъ Буланже, обвинявшимся въ попыткѣ произвести государственный переворотъ. Этотъ законъ, состоящій изъ 33 §§, содержитъ въ себѣ только общіе принципы судопроизводства предъ *Haute-Cour*, предоставляя самому верховному суду опредѣлить подробности. На этомъ законѣ намъ необходимо остановиться болѣе подробно.

II.

Что касается *состава* *Haute-Cour*, то членами его являются всѣ сенаторы, избранные *до изданія* декрета, созывающаго верховный судъ. Сверхъ того президентъ республики назначаетъ кого-либо изъ членовъ апелляціоннаго или кассационнаго суда для исполненія обязанности прокурора и нѣсколько другихъ для исполненія обязанностей генеральныхъ адвокатовъ. На практикѣ эти обязанности исполнялись прокуроромъ при парижскомъ апелляціонномъ судѣ и его генеральными адвокатами: въ процесѣ генерала Буланже обвинителемъ выступилъ тогдашній прокуроръ, пресловутый Кенэ-де-Борперъ; въ настоящемъ процесѣ обвинителемъ является прокуроръ Бернаръ.

Президентъ сената, а въ случаѣ его отсутствія одинъ изъ вице-президентовъ, исполняютъ обязанности преслѣдателя суда; секретарь сената исполняетъ обязанности *greffier*.

Всѣ документы и вещественныя доказательства отсылаются первоначально къ лицу, назначенному обвинителемъ при *Haute-Cour*; это лицо, совмѣстно съ судебными слѣдователями, производитъ предварительное дознаніе. Когда дознаніе закончено, дѣло изъ камеры прокурора переходитъ въ канцелярію *Haute-Cour*: сенатъ собирается въ первое публичное засѣданіе, которое открывается чтеніемъ президентскаго декрета о созывѣ верховнаго суда; затѣмъ происходитъ *поименный* вызовъ сенаторовъ. Этотъ поименный вызовъ сенаторовъ производится предъ каждымъ засѣданіемъ и въ процесѣ *Haute-Cour* имѣетъ очень важное значеніе, такъ какъ въ постановленіи приговора могутъ принимать участіе только тѣ сенаторы, которые присутствовали *на всѣхъ засѣданіяхъ*. Послѣ прочтенія декрета и поименнаго вызова вводятся судьи, и прокуроръ читаетъ свой „реквизиторій“, который не является обвинительнымъ актомъ, а служитъ какъ бы заключеніемъ, извлеченнымъ изъ актовъ дознанія. По прочтеніи реквизиторія, сенатъ постановляетъ о производствѣ предварительнаго слѣдствія. Это слѣдствіе производится особой комиссіей, состоящей изъ 9 сенаторовъ и пяти добавочныхъ членовъ; комиссія эта избирается сенатомъ ежегодно въ началѣ парламентской сессіи; комиссія изъ своей среды избираетъ преслѣдателя. Въ настоящее время преслѣдателемъ этой комиссіи состоитъ извѣстный Беранже, — авторъ закона объ условномъ осужденіи. Комиссія эта имѣетъ всѣ права и полномочія, предоставленныя по закону судебнымъ слѣдователямъ; въ

нѣкоторыхъ же отношеніяхъ ея права даже значительно шире: такъ, приказъ объ арестѣ или объ освобожденіи комиссія можетъ издать, не испрашивая заключенія прокурорскаго надзора. Что касается присутствія защиты при актахъ предварительнаго слѣдствія, производимыхъ комиссіей, то законъ 1889 года этого присутствія не допускалъ и въ § 9 категорически высказывалъ, что обвиняемые могутъ выбирать себѣ защитниковъ лишь по окончаніи комиссіей слѣдственныхъ дѣйствій. Но тогда еще, вообще, во французскомъ законодательствѣ не допускалась защита на предварительномъ слѣдствіи; въ 1892 былъ промульгированъ законъ Констанана, по которому защита допускается во время предварительнаго слѣдствія; въ 1899 году законъ Констанана былъ распространенъ на военные суды; но относительно Haute-Cour законъ Констанана не упоминаетъ, и этотъ интересный вопросъ поднятъ именно теперь защитниками обвиняемыхъ въ заговорѣ противъ республики. Когда предварительное слѣдствие закончено, предсѣдатель слѣдственной комиссіи пересылаетъ все дѣло прокурору на заключеніе; прокуроръ возвращаетъ dossier со своими замѣчаніями, и въ теченіе *трехъ дней* дѣло хранится въ канцеляріи Haute-Cour, гдѣ его могутъ разсматривать подсудимые и ихъ защитники. По истеченіи этого трехдневнаго срока слѣдственная комиссія собирается снова уже подъ названіемъ „обвинительной камеры“ (*chambre d'accusation*); въ засѣданіи присутствуетъ прокуроръ, и при немъ читаются: 1) слѣдственные акты и рапортъ комиссіи; 2) замѣчанія, сдѣланныя прокуроромъ, и 3) мемуары, представленныя подсудимыми или ихъ защитниками. По окончаніи чтенія, прокуроръ удаляется, и обвинительная камера въ секретномъ засѣданіи рѣшаетъ вопросъ о преданіи суду. Затѣмъ прокуроръ составляетъ обвинительный актъ, копія котораго вручается каждому изъ подсудимыхъ. Дебаты публичны; по выслушаніи обвинительнаго акта, показаній свидѣтелей и рѣчей защитниковъ, дебаты объявляются законченными, и рѣшеніе постановляется при закрытыхъ дверяхъ. Въ постановленіи приговора не участвуютъ члены слѣдственной комиссіи. Если подсудимые признаны виновными, то имъ объявляется объ этомъ въ публичномъ засѣданіи, и они имѣютъ право, согласно 363 ст. устава уголовного судопроизводства, представить свои замѣчанія. Приговоръ объявляется въ публичномъ засѣданіи и долженъ быть мотивированъ. На приговоры Haute-Cour не допускается обжалованія.

III.

По закону 1889 года къ процессу предъ Haute-Cour примѣнимы всѣ правила устава уголовного судопроизводства, „если только иначе не будетъ повелѣно сенатомъ“ (*s'il n'en est autrement ordonné par le Sénat, art. 32*)

Этотъ § предоставляетъ, такимъ образомъ, сенату самыя широкія права устанавливать для каждаго случая отдѣльно особый порядокъ судопроизводства. Въ этомъ и заключается основная мысль законодателя, который отнюдь не имѣлъ въ виду создать полный и подробный кодексъ судопроизводства, но напротивъ, какъ выразился докладчикъ, „laisser à la Haute-Cour

le soin d'adopter à chaque cas les principes généraux du droit“.

„Законъ этотъ, говорилъ Морелле, предоставляетъ вашему высокому трибуналу избирать наилучшіе пути для разрѣшенія различныхъ процессуальныхъ вопросовъ, не связывая васъ суровыми и узкими рамками кодекса, который имѣетъ цѣлью все предусмотрѣть, все урегулировать и не оставить ничего инициативѣ суда“. Когда въ палатѣ депутаты Lefèvre-Pontalis потребовали, чтобы вычеркнули слова „s'il n'en est autrement ordonné par le Sénat“, такъ какъ, говорилъ онъ, сенатъ, если захочетъ, можетъ отнять у защиты всѣ ея права, докладчикъ въ палатѣ Camescasse отвѣтилъ, что „законъ не преслѣдуетъ другой цѣли, какъ предоставить сенату право измѣнять нѣкоторыя детали обычнаго порядка судопроизводства; общіе же принципы уголовного судопроизводства остаются нетронутыми, и нельзя допустить и мысли, чтобы высокой трибуналь могъ бы посягнуть въ какомъ бы то ни было смыслѣ на право защиты“.

Ее подлежить никакому сомнѣнію, что созданный въ качествѣ верховнаго суда, сенатъ, выслушавъ реkvизиторій прокурора имѣетъ право объявить себя некомпетентнымъ. Во времена реставраціи и второй имперіи требовалось специальное постановленіе верховнаго суда, компетентенъ ли онъ судить данное преступленіе или нѣтъ. § 53 хартіи гдухо говорилъ: „La Chambre des pairs connaît des crimes de haute trahison etc“... Во время реставраціи Cour des pairs долженъ былъ не только объявить свою компетентность, но и мотивировать ее.

По закону 1889 года не требуется specialнаго постановленія о компетенціи Haute-Cour, но сенатъ имѣетъ право обсуждать этотъ вопросъ и объявить себя некомпетентнымъ. Докладчикъ Морелле весьма ясно и категорически высказалъ это въ своей рѣчи: „Если послѣ предварительнаго, и по необходимости очень бѣглого знакомства съ дѣломъ, сенатъ найдетъ, что его участіе въ дѣлѣ юстиціи совершенно излишне, то онъ долженъ высказать это въ мотивированномъ постановленіи, этимъ его роль будетъ вполне исчерпана, и уже другому трибуналу будетъ принадлежать право карать или миловать“.

Таковы нѣкоторые интересные юридическіе вопросы, которые возникаютъ, при разсмотрѣніи закона 1889 г. Практика до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не дала еще никакого отвѣта на большинство изъ нихъ. Генераль Буланже и его сотрудники судились заочно; поэтому реkvизиторій прокурора послужилъ обвинительнымъ актомъ, и по окончаніи рѣчи прокурора, сенатъ немедленно удалился въ совѣщательную комнату. Послѣ процесса Буланже Haute-Cour ни разу не созывался, и впервые законъ 10 апрѣля 1889 года будетъ во всей своей полнотѣ примѣненъ на практикѣ въ предстоящемъ процессѣ по обвиненію Деруледа, Герена и ихъ сообщниковъ въ заговорѣ съ цѣлью произвести государственный переворотъ.

IV.

Въ понедѣльникъ 18 сентября состоялось первое торжественное засѣданіе сената, преобразованнаго въ верховный судъ. Великолѣпный залъ публичныхъ засѣ-

даній сената быть переполненъ; трибуны, отведенныя для журналистовъ и для публики унизаны; яблоку негдѣ упасть; предѣдательствуетъ президентъ сената Фалльберъ. Послѣ поименнаго вызова и прочтенія декрета президента республики, боковыя двери отворились, и въ торжественныхъ красныхъ мантияхъ, убранныхъ горностаемъ, вошелъ прокуроръ Бернаръ въ сопровожденіи двухъ генеральныхъ адвокатовъ.

Чтеніе реквизиціи заняло около двухъ часовъ; въ началѣ корреспонденціи мы уже указали главные обвинительные пункты; реквизиціи состоятъ изъ выдержекъ изъ переписки между заговорщиками и устанавливалъ съ несомнѣнною существованіе вполнѣ организованнаго заговора противъ республики. Герцогъ Орлеанскій состоитъ въ самой оживленной перепискѣ съ Гереномъ, Бюффе и Дюбуномъ; по ихъ приказу онъ то удаляется отъ границы Франціи, то приближается къ ней. Послѣ каждой манифестаціи, каждой антиреспубликанской демонстраціи его увѣдомляютъ телеграммами, „*Succés d'estime, environ 2,000 hommes, mais police et municipaux ne laissent pas passer. C'est a recommencer*“, телеграфируетъ герцогу, послѣ крупныхъ беспорядковъ на площади Согласія 12 декабря 1898 г., графъ Шевилью, президентъ общества роялистской молодежи. Лига патриотовъ и лига антисемитовъ являются главными складочными мѣстами оружія и денегъ заговорщиковъ. При обыскахъ въ помѣщеніяхъ этихъ лигъ, нашли огромный запасъ оружія, а помѣщеніе лиги антисемитовъ было превращено въ настоящую вооруженную крѣпость, гдѣ могли бы укрыться и защищаться заговорщики: имѣющіеся и заготовленные тамъ припасы дали возможность Герену съ заговорщиками продержаться 34 дня и выдержать правильную полицейскую блокаду. Органами заговорщиковъ являются „*La Gazette de France*“ и „*Le Réveil français*“. Кульминаціоннымъ пунктомъ дѣятельности заговорщиковъ является 23 февраля 1899 г., когда Деруледъ сдѣлалъ неудачную попытку совершить государственный переворотъ. Мы не будемъ подробно слѣдить за реквизиціею, основанною на рядѣ неопровержимыхъ документальныхъ данныхъ. Всѣхъ преданныхъ верховному суду 22 человекъ; они обвиняются въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ ст. 2, 87, 88, 89, 59 и 60 Code Pénal.

Послѣ прочтенія реквизиціи сенатъ удалился для совѣщанія, и черезъ часъ вынесъ резолюцію, въ силу которой комиссія подѣ предѣдательствомъ сенатора Веранже поручено произвести предварительное слѣдствіе.

Защитой подсудимыхъ возбужденъ цѣлый рядъ юридическихъ вопросовъ, и прежде всего вопросъ о некомпетентности Haute-Cour; далѣе, защита настаиваетъ на допущеніи ея при актахъ предварительнаго слѣдствія; по этимъ, а также и по многимъ другимъ вопросамъ защитой представлены обширные матеріалы. Слѣдственная комиссія ведетъ свои засѣданія въ величайшемъ секретѣ и закончить свои работы не раньше, чѣмъ черезъ мѣсяць, и лишь тогда начнутся публичные дебаты передъ Haute-Cour, о которыхъ мы своевременно дадимъ подробный отчетъ на страницахъ „Правъ“.

В. Б.

СУДЕБНЫЕ ОТЧЕТЫ.

Харьковскій окружный судъ.

(Отъ нашего корреспондента).

Дѣло о признаніи торгоа недействительнымъ.

I

9 сего сентября въ 1 гражданскомъ отдѣленіи слушалось интересное дѣло, обстоятельства котораго таковы:

10 іюля сего года при Харьковскомъ окружномъ судѣ производился торгъ на имѣніе кандидата правъ И. И. Поморцева, оцѣненное въ 15,000 рублей.

На торгъ явилось нѣсколько покупателей, которые по мѣрѣ надбавки конкурентовъ отказывались отъ участія въ торгѣ, и около 2-хъ часовъ осталось только два покупателя, — Дзиковичъ и Нововъ. Высшую цѣну 25,005 руб. за имѣніе въ 2 часа предложилъ Дзиковичъ и, заявивъ, что сейчасъ у него нѣтъ на задатокъ, что деньги онъ получить изъ банка и черезъ полчаса привезетъ, вышелъ изъ зданія суда. Въ виду этого, на основ. 1177 ст. уст. гр. суд. и требованія покупателя Новова, торгъ былъ возобновленъ съ объявленной Дзиковичемъ цѣны 25,005 руб.; по возобновленіи торгоа, г. Нововымъ была сдѣлана наддача 5 руб. — въ суммѣ 25,010 р. и представленъ задатокъ 2,501 руб. Черезъ 20—25 минутъ явился Дзиковичъ и предъявилъ задаточныя деньги наблюдавшему за торгомъ члену суда С. Н. Гулькевичу, который отказался ихъ принять, ссылаясь на послѣдовавшую покупку имѣнія г. Нововымъ. Находя производство торгоа неправильнымъ, повѣренный Дзиковича пом. прис. пов. А. Я. Немировскій подалъ въ Харьковскій окружный судъ жалобу, въ которой указываетъ на неправильное, по его мнѣнію, примѣненіе судебнымъ приставомъ ст. 1177 уст. гр. суд., ссылаясь на то, что всякій штрафъ есть наказаніе за что-либо, а примѣнительно къ торгоамъ онъ можетъ возлагаться, напр., за злонамѣренное срываніе ихъ, или за легкомысліе, когда покупатель, предложившій высшую цѣну, найдетъ ее для себя неподходящею и откажется отъ представленія задатка, чего въ данномъ случаѣ не было, такъ какъ Дзиковичъ менѣе чѣмъ черезъ полчаса возвратился съ деньгами, каковое обстоятельство могутъ подтвердить свидѣтели и удостовѣритъ Харьковское отдѣленіе Волжско-Камскаго банка.

Что же касается ст. 1161 уст. гр. суд., по которой покупатель, предложившій высшую цѣну, обязанъ немедленно по окончаніи торгоа внести задатокъ, то слово „немедленно“, по мнѣнію г. Немировскаго, не можетъ быть толкуемо въ этомъ случаѣ иначе, какъ въ смыслѣ того же дня, а отнюдь не той же минуты послѣ окончанія торгоа, такъ какъ 1048 ст. уст. гр. суд. назначаетъ срокъ въ 2 часа предѣльнымъ лишь для явки покупателей, а не для начала, а тѣмъ болѣе для закрытія торгоа, который по 1047 ст. уст. гр. суд. можетъ продолжаться до 6-ти часовъ пополудни, а по ст. 1049 уст. гр. суд. можетъ быть перенесенъ и на слѣдующіе дни.

Далѣе, представитель интересовъ Дзиковича указываетъ на то, что со стороны суд. пристава не было возраженія противъ ухода его довѣрителя изъ суда, и что если бы послѣдній былъ предупрежденъ, то, имѣя въ карманѣ чекъ, онъ могъ бы послать кого-нибудь въ банкъ за деньгами, не выходя изъ зданія суда.

Затѣмъ, по мнѣнію г. Немировскаго, возобновленіе торгоа судебнымъ приставомъ по требованію г. Новова, который одинъ только и принималъ участіе въ немъ, противорѣчитъ самому попятію „торгъ“, подѣ которымъ законъ подразумѣваетъ наличность не менѣе 2-хъ лицъ.

Наконецъ, изъ журнала судебного пристава не видно, чтобы Нововъ отказывался отъ участія въ торгахъ. Въ такомъ случаѣ судебный приставъ, значитъ, считалъ г. Дзиковича и послѣднимъ и предпослѣднимъ, въ одно и тоже время, предложившимъ высшую цѣну, что, конечно, невозможно.

Въ дополненіе къ вышеизложенному, г. Немировскій указалъ еще на одну неправильность производства торга, а именно, что послѣдній производился не въ срокъ, опредѣленный г. министромъ юстиціи, и что публикація въ губ. вѣдомостяхъ о торгѣ появилась менѣе, чѣмъ за мѣсяць до торга.

Съ своей стороны, владѣлецъ имѣнія И. И. Поморцевъ также подалъ жалобу на неправильное производство торга, указывая на три нарушенія:

1) во время торга былъ сдѣланъ перерывъ, благодаря которому имѣніе пошло дешевле.

2) не принята высшая сумма, предложенная Дзиковичемъ, и

3) неправильно возобновленъ торгъ и принята отъ г. Новова наддача 5 руб., когда соперниковъ не было.

По всемъ вышеизложеннымъ основаніямъ гг. Поморцевъ и Дзиковичъ просятъ признать торгъ не действительнымъ и, во всякомъ случаѣ, отъ уплаты штрафа 750 р. 15 к. за невнесеніе задатка Дзиковича освободить.

На эти жалобы послѣдовало возраженіе со стороны повѣреннаго г. Новова прис. пов. А. Т. Чеплыгина.

Относительно производства торговъ не въ срокъ, назначенный г. министромъ юстиціи, и относительно несоблюденія законныхъ правилъ публикаціи г. Чеплыгинъ сослался на ст. 1205 уст. гр. суд., которая представляетъ семидневный срокъ для подачи жалобы на неправильное производство торговъ, и ст. 1204 уст. гр. суд., представляющую 2-хъ-недѣльный срокъ для подачи жалобы на несоблюденіе правилъ при публикаціи о торгахъ. Время для подачи жалобы у кредиторомъ было и, разъ они этого не сдѣлали, значитъ были согласны на производство торга въ этотъ именно срокъ. Во всякомъ случаѣ, обстоятельства, предшествовавшія производству торга, не имѣютъ никакого отношенія къ данному дѣлу, тѣмъ болѣе, что г. Дзиковичъ не кредиторъ, а только покущикъ.

Что же касается ухода г. Дзиковича, то слово „немедленно“ въ ст. 1161 уст. гр. суд. прямо указываетъ, что покущикъ не долженъ уходить изъ зданія суда и въ другомъ смыслѣ его толковать нельзя; иначе всякій предложившій высшую плату и не имѣющій денегъ могъ бы уйти для заема и, такимъ образомъ, никогда нельзя было бы примѣнить ст. 1177 уст. гр. суд.

Затѣмъ, г. Чеплыгинъ утверждаетъ, что хотя отказъ г. Новова и не записанъ въ журналъ судебнаго пристава, все же онъ отказался отъ участія въ торгѣ словеснымъ заявленіемъ, каковое обстоятельство могутъ подтвердить присутствовавшіе на торгѣ г. членъ суда, суд. приставъ и др.

На жалобу же г. Поморцева прис. пов. Чеплыгинъ сдѣлалъ слѣдующія возраженія:

1) Перерывъ во время торга не причинилъ никакого ущерба г. Поморцеву, такъ какъ во время перерыва явился новый покущикъ г. Дзиковичъ и сдѣлалъ надбавку, слѣдовательно имѣніе продано не дешевле, а дороже.

2) Высшей платы г. Дзиковича никто не отвергалъ, а самъ Дзиковичъ не уплатилъ не только всей суммы, но и задатка въ размѣрѣ 10% съ нея и этимъ нарушилъ ст. 1161 уст. гр. суд.

3) Возобновленіе торга судебнымъ приставомъ сдѣлано согласно сенатск. рѣш. за 1889 г., № 46, на осн. ст. 1177 уст. гр. суд., а надбавка 5 руб. г. Нововымъ была сдѣлана также по закону, ибо п. 2 ст. 1170 уст. гр. суд. говоритъ, что если изъ явившихся

никто не сдѣлаетъ надбавки противъ оцѣнки, то торгъ не состоялся. А такъ какъ всѣ явившіеся разошлись и остался одинъ только г. Нововъ, то онъ и сдѣлалъ наддачу.

„Что примѣняется закономъ для нѣсколькихъ лицъ, то примѣнимо и къ одному“.

На основаніи всего вышеизложеннаго, Чеплыгинъ проситъ окружный судъ имѣніе г. Поморцева укрѣпить за его довѣрителемъ и жалобы Дзиковича и Поморцева оставить безъ послѣдствій.

16 сего сентября Харьковскій окружный судъ вынесъ по этому дѣлу резолюцію: 1) имѣніе канд. правъ И. И. Поморцева укрѣпить за г. Нововымъ, 2) жалобы Дзиковича и Поморцева оставить безъ послѣдствій и 3) взыскать съ г. Дзиковича штрафъ въ 750 р. 15 к. за невнесеніе задатка.

II.

Одесская судебная палата въ Симферополѣ.

Дѣло по обвиненію графа Капниста и урядниковъ Каминскаго и Кардашева въ истязаніи.

15-го сентября въ Симферополѣ уголовнымъ департаментомъ Одесской судебной палаты рассмотрѣно было дѣло по обвиненію землевладѣльца Теодосійскаго уѣзда графа Михаила Ростиславовича Капниста и бывшихъ полицейскихъ урядниковъ Теодосійскаго уѣзда Архипа Кардашева и Григорія Каминскаго въ истязаніи.

Предсѣдательствуетъ старшій предсѣдатель палаты Б. Ю. Витте, обвиняетъ товарищъ прокурора Н. О. Джибелли. Подсудимыхъ защищаютъ: графа Капниста присяжный повѣренный Протопоповъ и остальныхъ—присяжный повѣренный Штергольдъ. Дѣло слушается съ участіемъ сословныхъ представителей—губернскаго предводителя дворянства С. Б. Скадовскаго, городского головы А. Н. Ильина и волостного старшины.

Читается обвинительный актъ: 14 ноября 1898 года въ экономіи графа Капниста при дер. Каргалыкъ, Теодосійскаго уѣзда, по случаю принятія на военную службу новобранцевъ, произошло буйство, во время котораго была причинена экономическому приказчику, крестьянину Паршикову, рана въ голову, а также были выбиты окна въ экономическомъ домѣ. О случившемся дали знать проживающему въ другой экономіи въ Судакѣ графу Капнисту и вечеромъ 15 ноября графъ прибылъ въ дер. Каргалыкъ вмѣстѣ съ полицейскимъ урядникомъ Каминскимъ, командированнымъ, по просьбѣ графа, становымъ приставомъ Арфановымъ для помощи мѣстному уряднику Кардашеву. Призвавъ въ экономическій домъ поселяныя и установивъ изъ распросовъ, что въ буйствѣ участіе принималъ и рану Паршикову причинилъ поселянинъ сосѣдняго села Салы, Иванъ Никифоровъ, графъ Капнистъ поручилъ полицейскому уряднику Кардашеву позвать Никифорова. Никифоровъ былъ доставленъ сотскимъ Самаринымъ въ экономическій домъ. Сюда же, по словамъ Никифорова, былъ доставленъ Яковъ Вдовченко, и когда на вопросы графа Капниста послѣдній удостовѣрилъ, что Никифоровъ разбилъ стекла въ квартирѣ Иванскаго, — Вдовченко былъ удаленъ изъ комнаты, и въ ней остались только графъ и оба урядника, которые стали бить Никифорова, а затѣмъ и графъ ударилъ его по спинѣ нагайкой или хлыстомъ. Послѣ этого, всѣ трое, снявъ съ Никифорова платье, повалили его на полъ. Кардашевъ держалъ Никифорова за ноги, а графъ, передавъ нагайку Каминскому и держа

въ одной рукѣ револьверъ, другой придерживалъ голову Никифорова и, угрожая ему, что будетъ стрѣлять, если онъ окажетъ сопротивление, считалъ громко наносимые Каминскимъ Никифорову удары. Потерявъ сознание, Никифоровъ не помнитъ, сколько ударовъ было ему нанесено, но думаетъ, что не менѣе 15. Когда перестали бить, Никифоровъ пришелъ въ сознание, а урядникъ Кардашевъ приказалъ сотскому отвести Никифорова въ холодную, но сотскій Самаринъ отвелъ его домой къ брату. Сотскій Самаринъ удостоверилъ, что, стоя во дворѣ, онъ слышалъ крикъ Никифорова: „меня бьютъ“, а также голосъ графа Капниста, кричавшаго ему сперва: „ложись, выпать ему“, а затѣмъ считавшаго громко удары: „разъ, два, три, еще“. Войти въ комнату, гдѣ били Никифорова, не было возможности: двери были заперты. Допрошенный на судебномъ слѣдствіи урядникъ Кардашевъ, признавая себя виновнымъ, объяснилъ, что онъ явился по требованію графа Капниста въ экономическій домъ. Графъ сталъ на него кричать за то, что онъ былъ пьянъ, и даже грозилъ написать губернатору и исправнику, чтобы его уволили. Въ это время въ комнату былъ приведенъ Никифоровъ. Каминскій ударилъ Никифорова. Тогда и онъ, Кардашевъ, недовольный на Никифорова, такъ какъ изъ-за буйства, произведеннаго имъ, онъ, Кардашевъ, можетъ потерять мѣсто, нанесъ Никифорову два удара кулакомъ по лицу. Затѣмъ графъ приказалъ Никифорову раздѣться, но такъ какъ онъ не исполнилъ приказанія, то онъ, Кардашевъ, вмѣстѣ съ Каминскимъ и графомъ, его раздѣли,—графъ принесъ изъ сосѣдней комнаты ногайку, далъ ее Каминскому и тотъ сталъ бить Никифорова по обнаженнымъ частямъ тѣла, а графъ считалъ удары. Каминскій также сознался въ причиненіи истязаній, но объяснилъ, что былъ настолько пьянъ, что не помнитъ, при какихъ обстоятельствахъ все это произошло. Графъ Капнистъ на предварительномъ слѣдствіи не призналъ себя виновнымъ. Сперва графъ объяснилъ, что онъ не приказывалъ уряднику бить Никифорова, и въ его, графа, присутствіи урядники Никифорову не наносили побоевъ, а затѣмъ сталъ утверждать, что, быть можетъ, онъ и отдалъ приказаніе, однако этого нынѣ припомнить не можетъ, такъ какъ находился въ то время въ угнетенномъ нервномъ состояніи.

По прочтеніи обвинительнаго акта, председатель предлагаетъ подсудимымъ обычные вопросы о виновности.

Всѣ подсудимые заявляютъ, что виновными себя не признаютъ.

Палата приступаетъ къ повѣркѣ свидѣтельскихъ показаній.

Допрашивается свидѣтель—потерпѣвшій Никифоровъ.

Предсѣд. Расскажите, что знаете по этому дѣлу.

— Какого числа это было—я не запомню. Около 1 часа ночи за мной пришелъ сотскій и позвалъ къ уряднику Кардашеву. У Кардашева былъ урядникъ Каминскій. Затѣмъ меня повели въ комнату къ графу Капнисту. Двери были заперты. Графъ спросилъ меня: „ты окна билъ?“—Нѣтъ—говорю—не я. Тогда Каминскій повалилъ меня на полъ и началъ бить плеткой и саблей. Такъ били меня съ полчаса. Затѣмъ графъ опять спросилъ меня: „ты окна билъ?“—звалъ мужиковъ, спрашивалъ ихъ. Потомъ меня снова повалили—графъ держалъ револьверъ, угрожая застрѣлять, если буду сопротивляться, а Каминскій наносилъ мнѣ удары. Затѣмъ, когда я впалъ въ безчувственное состояніе, позвали сотскаго и приказали отвести меня въ холодную. Графъ обѣщалъ завтра еще „наложить“ мнѣ.

Прокуроръ. Вы болѣли потомъ?

— Да, все чиряки у меня были на тѣлѣ.

Прокуроръ. Кровь шла?

— Шла.

Прокуроръ. Графъ страдалъ, что застрѣлить, если будете сопротивляться?

— Да, страдалъ.

Прокуроръ. Когда графъ сказалъ „встань!“—вы встали?

— Я не сейчасъ всталъ. Чувствовалъ, что Кардашевъ приказалъ вставать.

Прокуроръ. Далеко будетъ отъ экономіи графа до того мѣста, куда вы пришли послѣ экзекуціи?

— Верста будетъ.

Прокуроръ. Зачѣмъ вы приобщались Св. Таинъ. Можетъ быть, родные пожелали?

— Я ничего не помню. У меня все „въ середкѣ“ болѣло. Кровь застыла..

Подсудимый Каминскій предлагаетъ свидѣтелю вопросы:

— На слѣдующій день вы ходили или нѣтъ?

— Меня братъ повезъ въ Θεодосію къ доктору на освидѣтельствованіе.

Подс. Кардашевъ (обращается къ свидѣтелю):

— Черезъ сколько времени васъ повезли къ доктору?

— На другой день.

Кардашевъ. На другой день не встрѣтилъ-ли я васъ въ деревнѣ и не предлагалъ-ли пить водку?

— Черезъ мѣсяцъ мы пили водку.

Графъ Капнистъ (обращаясь къ свидѣтелю). Когда вы вернулись отъ доктора, вы не плели плетень?

— Я ходилъ тогда, но не работалъ.

Графъ Капнистъ. Хорошо-ли вы помните, что я держалъ револьверъ?

— Помню хорошо.

Предс. И что говорилъ графъ, держа въ рукахъ револьверъ?

— Говорилъ, что, если я буду сопротивляться, застрѣлить.

Графъ Капнистъ. Когда я вернулся изъ-за границы, не просили-ли вы меня помириться, прекратить дѣло?

— Графъ каждый день присылалъ ко мнѣ урядника; всегда кличутъ меня, просятъ помириться.

Предсѣд. И вы согласились помириться?

— Согласился, если заплатятъ за побой.

Прис. пов. Штернгольдъ. Кардашевъ васъ за ноги держалъ, или такъ стоялъ?

— Штаны были спущены. — Онъ на штанахъ стоялъ.

Допрашивается свидѣтель Самаринъ.

Предсѣд. Что вы знаете по дѣлу?

— Я въ то время былъ сотскимъ. Въ 1 ч. ночи послали за мной къ уряднику Кардашеву. Тамъ былъ Каминскій, который приказалъ мнѣ розыскать Никифорова. Розыщи его,—говорилъ Каминскій,—а то буду бить плетью. Я розыскалъ Никифорова и привелъ его въ экономію графа. Графъ позвалъ Никифорова въ комнату, а я остался на крыльцѣ. Графъ спросилъ Никифорова: „ты билъ моего приказчика“, онъ говорилъ — нѣтъ. Затѣмъ Никифорова стали бить. Графъ считалъ удары. Никифоровъ, возвращаясь, плакалъ.

Прокуроръ. Кровь была на немъ?

— Не видѣлъ.

Прокуроръ. Платье порвано было?

— Порвано.

Прис. пов. Штернгольдъ. Когда Никифорова повалили, вы видѣли?

— Нѣтъ. Я видѣлъ, когда уже били. Урядникъ билъ шашкой по мордѣ.

Членъ палаты: Никифоровъ кричалъ?

— Кричалъ.

Предсѣдатель. Когда заперли дверь, долго это продолжалось?

— Минуть 5 приблизительно.

Графъ Капнисть. Вы видѣли, когда я билъ?

— Всѣ били, даже прикаачики.

Экспертъ-врачъ. Плетку у Каминскаго видѣли?

— У Каминскаго за холявой была поганка.

Прис. пов. Штернгольдъ. На другой день Никифоровъ ходилъ?

— У него все тѣло распухло.

Предсѣдат. (обращается къ Каминскому). Подсудимый! Свидѣтель говоритъ, что графъ передалъ вамъ плетку и говорилъ: „сѣки“. Не можете-ли вы сказать, какая у васъ была плетка?

Каминскій. Я это отрицаю; никакой плетки у меня не было.

Графъ Капнисть, на вопросъ предсѣдателя, также утверждаетъ, что никакой плетки не передавалъ Каминскому. На столѣ у меня лежалъ хлыстикъ.

Допрашивается свидѣтель Бергъ. Я, говоритъ свидѣтель (фельдшеръ), былъ приглашенъ для оказанія медицинской помощи Никифорову. Когда я пришелъ, больной сильно страдалъ, лежа на полу. На тѣлѣ было много свѣжихъ полосъ, все тѣло распухло.

Предсѣд. Вы изслѣдовали температуру и пульсъ?

— Температура и пульсъ были нормальные.

Предсѣд. Когда вы пришли къ Никифорову, — днемъ или ночью?

— Ночью.

Допрашивается свидѣтель Иванскій. Свидѣтель рассказываетъ о буйствѣ, произведенномъ въ селѣ Салакъ. Онъ рассказывалъ графу, кто участвовалъ въ буйствѣ, кто разбивалъ стекла.

На вопросъ предсѣдателя свидѣтель говоритъ, что видѣлъ Никифорова по возвращеніи изъ египта отъ доктора. Никифоровъ тогда работалъ.

Прис. пов. Протопоповъ спрашиваетъ подробности о буйствѣ.

Свид. говоритъ, что пущеннымъ камнемъ ему проломило голову.

Прокуроръ. А раньше такихъ безчинствъ не было?

Свид. Бывали.

Допрашивается свидѣтель Арфановъ. Свидѣтель — становой приставъ — рассказываетъ, что къ нему привѣзжалъ графъ и говорилъ, что въ экономіи происходитъ буйство, просилъ послать урядника. Затѣмъ, по жалобѣ Никифорова, мною произведено было разслѣдованіе. Нѣкоторые допрошенные мною свидѣтели показали, что Никифорова сѣкли, другіе отрицали это.

Прок. Вы урядниковъ спрашивали?

— Да. Каминскій говорилъ мнѣ, что ничего подобнаго не было, а Кардашевъ говорилъ, что кулакомъ онъ ударилъ Никифорова. Никифоровъ же говорилъ мнѣ, что его раздѣли и сѣкли.

Допрашивается свидѣтель Вдовченко.

Свид. показываетъ, что графъ спрашивалъ его, какъ происходила драка въ экономіи.

Прок. Брата вашего тоже „наказывали“ въ экономіи?

— Наказывали.

Прок. Кто?

— Каминскій.

Прок. А графъ при этомъ находился?

— Да, находился.

Прок. Когда графъ позвалъ Никифорова, — что онъ ему сказалъ?

— Сказалъ: „Скинь штаны и покажи дѣвкамъ свою силу“.

Прок. Когда Никифоровъ вышелъ послѣ экзекуціи, онъ былъ красный?

— Такъ, средственно... Никифоровъ вышелъ и Кардашевъ сказалъ sottocomo: „возьми его, негодя, веди въ холодную и бей лѣвой рукой“.

Допрашивается свид. Гусевъ.

Свидѣтель рассказываетъ, что, когда побили Никифорова, то приходилъ къ нему священникъ. Никифоровъ приобщался Св. Таинъ. Никифоровъ въ

это время лежалъ. За священникомъ посылалъ братъ его. Никифоровъ сильно стоналъ.

Допрашивается свидѣтель Скрипка. Свидѣтель говоритъ, что ничего не знаетъ. Предсѣдатель читаетъ его показаніе на предварительномъ слѣдствіи. Свидѣтель показываетъ у слѣдователя, что въ его присутствіи урядникъ Кардашевъ говорилъ Каминскому: „нехорошо мы слѣбали“. Каминскій отвѣтилъ на это: „что жъ, когда графъ приказывалъ“.

Допрашивается свидѣтель Паршиковъ.

Свидѣтель рассказываетъ, что графъ, уѣзжая за границу, увѣщевалъ всѣхъ служащихъ, чтобы въ экономіи было покойно. Затѣмъ свидѣтель рассказываетъ, какъ произошло буйство и какъ Никифоровъ ударилъ его. Свидѣтель утверждаетъ, что Каминскій не былъ пьянъ. Когда Никифорова били, онъ не кричалъ, а говорилъ: „простите“. Графъ, по словамъ свидѣтеля, не билъ Никифорова. Свид. далѣе говоритъ, что въ дер. Салакъ — народъ буйный. Когда графъ уѣзжалъ за границу — просилъ его уладить дѣло съ Никифоровымъ миромъ, а если не получается, то приказывалъ мнѣ подать на Никифорова въ судъ за то, что послѣдній проломилъ свидѣтелю камнемъ голову.

По окончаніи допроса свидѣтелей, предсѣдатель читаетъ протоколъ врачебнаго осмотра Никифорова. Рапы отнесены къ числу легкихъ и непосредственно не угрожающихъ жизни.

Докторъ Моралевичъ, городской врачъ-экспертъ, говоритъ, что нанесеніе ударовъ продолжалось около 5 минутъ. Благодаря тому, что Никифорова держали, когда били — онъ долженъ былъ особенно сильно страдать. Если бы, — говоритъ экспертъ, — Никифорову были нанесены удары во время простой драки, то я не рѣшился бы назвать его побой тяжкими. Но психическое состояніе Никифорова въ настоящемъ случаѣ было иное. Его повалили на полъ, держали и, угрожая застрѣлить изъ револьвера, наносили побой. При такой обстановкѣ и психическія, и физическія страданія Никифорова, несомнѣнно, были очень тяжки, и нанесенные ему побой, по моему мнѣнію, представляютъ чрезвычайно жестокии.

Судебное слѣдствіе закончено и предсѣдатель обращается къ подсудимымъ:

— Подсудимый Каминскій — вамъ принадлежитъ послѣднее слово.

— Невиновенъ — ваше превосходительство. Былъ пьянъ. Можетъ быть, разъ и ударилъ.

— Подсудимый Кардашевъ, что вы можете сказать?

— Невиновенъ — ваше превосходительство. Графъ говорилъ, что напишетъ губернатору, чтобы уволили меня. Сознаюсъ, разъ ударилъ.

Предс. Подсудимый, графъ Капнисть?

— Я уже сказалъ, что невиновенъ. Сказалъ только урядникамъ: „вспапать Никифорову“. Револьвера при мнѣ не было. Поселяне все время жили и разоряли мое имѣніе.

Послѣ пяти-минутнаго перерыва начались пренія.

Товар. прокурора ограничилъ заявленіемъ, что онъ поддерживаетъ обвиненіе въ предвѣлахъ обвинительнаго акта.

Защитникъ Каминскаго и Кардашева доказывалъ, что свидѣтельскими показаніями не установленъ фактъ истязанія, и что въ данномъ случаѣ есть простое нанесеніе побоевъ. Защитникъ, подробно останавливаясь на юридической сторонѣ дѣла, ходатайствовалъ о примѣненіи 348 ст.

Защитникъ графа Капниста произнесъ пространную рѣчь. По слову защитника, 18-го сентября прошлаго года врачи послали графа въ Африку на климатическую станцію. Незадолго до этого скончалась отъ чахотки его жена, и графу, дабы не заболѣть той же болѣзнию, необходимо было поѣхать на климатическую станцію. Можно себѣ предста-

вить, каково было его психическое состояніе. И графъ, собираясь уѣхать за границу, созываетъ помещанъ и увѣщаетъ, чтобы все было покойно. Между тѣмъ, въ деревнѣ поджоги, грабительства. Графъ поэтому вынужденъ былъ продать имѣніе. Далѣе защитникъ доказываетъ, что графъ не билъ, револьвера не имѣлъ, и, быть можетъ, только подстрекать къ нанесенію побоевъ.

Въ 7 час. вечера палата вынесла приговоръ. Всѣ подсудимые признаны виновными въ истязаніи. Урядники Каминскій и Кардашевъ, съ ограниченіемъ нѣкоторыхъ особыхъ правъ и преимуществъ, приговорены къ тюремному заключенію на 1 годъ и 4 мѣсяца; графъ Капнистъ, по лишеніи нѣкоторыхъ особыхъ правъ и преимуществъ, приговоренъ къ ссылкѣ на житье въ Томскую губернію. вмѣстѣ съ тѣмъ палата постановила ходатайствовать, черезъ министра юстиціи, передъ Государемъ Императоромъ о замѣнѣ урядникамъ Каминскому и Кардашеву наказанія лишь тюремнымъ заключеніемъ, безъ ограниченія правъ, и о замѣнѣ графу Капнисту наказанія тюремнымъ заключеніемъ на 4 мѣсяца, безъ лишенія правъ. (Кр. В.).

Хроника.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, 19 сего сентября, Высочайше повелѣть соизволилъ: предоставить годичную, до призыва 1900 г., отсрочку по исполненію воинской повинности тѣмъ воспитанникамъ высшихъ учебныхъ заведеній, уволеннымъ за участіе въ беспорядкахъ весною текущего года, коимъ будутъ выданы учебнымъ начальствомъ надлежащія удостовѣренія о неимѣніи препятствій къ обратному приему ихъ въ учебныя заведенія въ теченіе будущаго года.

Пр. Сенатъ разъяснилъ, что, по смыслу ст. 6 Выс. утв. 25 іюня 1867 г. правилъ объ устройствѣ отставныхъ и безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ, сіи послѣдніе освобождаются отъ платежей только тѣхъ сборовъ на земскія повинности, которые раскладывались по душамъ, но не отъ тѣхъ, которые налагаются земскими учрежденіями на указанные во врем. прав. предметы обложенія. (Ук. 15 сентября 1899 г.).

По разъясненію Пр. Сената, судебные слѣдователи, въ случаѣ признанія размѣра отпускаемыхъ имъ квартирныхъ денегъ недостаточнымъ, обязаны заявлять объ этомъ своему начальству, которое, если найдетъ ихъ претензію уважительной, входитъ въ соглашеніе съ подлежащимъ земствомъ относительно увеличенія квартирнаго довольствія послѣднихъ или отвода имъ квартиръ въ натурѣ, а при несогласіи земства обращается къ указаннымъ въ законѣ способамъ для отмѣны неправильныхъ опредѣленій земскихъ учреждений. (Ук. 15 сентября 1899 г.).

Правительствующій Сенатъ отмѣнилъ постановленіе Симбирскаго губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія, коимъ отмѣнено было постановленіе Буинскаго уѣзднаго земскаго собранія о на-

значеніи пособія на воспитаніе дочери находившагося на земской службѣ фельдшера, находя, что этимъ назначеніемъ изъ оставшихся по удовлетвореніи обязательныхъ по закону повинностей суммъ земство не вышло изъ предѣловъ предоставленной ему власти. (Ук. 15 сентября 1899 г.).

Правительствующій Сенатъ разъяснилъ, что принадлежность собственниковъ недвижимаго имущества къ волости и отбываніе мірскихъ и земскихъ повинностей по сельскому положенію не можетъ служить основаніемъ къ освобожденію ихъ отъ платы, кромѣ сословныхъ, и городскихъ сборовъ по владѣнію сими имуществами на отведенной городу землѣ. (Ук. 15 сентября 1899 г.).

Намъ сообщаютъ, что въ настоящее время приступлено къ пересмотру дѣйствующаго на Кавказѣ податнаго законодательства въ смыслѣ замѣны подымной подати поземельной. Съ этой цѣлью въ Тифлисѣ образована коммисія изъ представителей заинтересованныхъ вѣдомствъ, которая на дняхъ открываетъ свои засѣданія.

По жалобѣ Майкопской городской управы, Сенатомъ разъяснено, что хотя начальнику области и принадлежитъ право надзора за дѣйствіями какъ городскихъ управленій, такъ и входящихъ въ составъ этихъ управленій лицъ, тѣмъ не менѣе распоряженіе начальника области о недопущеніи гласнаго къ совмѣстному исполненію по избранію думы обязанностей члена финансовой коммисіи и предсѣдательствующаго при разрѣшеніи дѣлъ, указанныхъ въ 120 ст. городского положенія, нельзя не признать неправильнымъ, потому что такимъ распоряженіемъ дума была ограничена въ своихъ правахъ относительно выбора одного и того же лица для исполненія означенныхъ обязанностей, на совмѣщеніе коихъ въ одномъ лицѣ не содержится запрещенія въ законѣ. Независимо отъ этого, въ ст. 68 городского положенія ничего не говорится о томъ, что вступленіе, по выбору думы, члена городской подготовительной коммисіи въ исполненіе своихъ обязанностей поставлено въ зависимости отъ разрѣшенія начальника губерніи или области.

Мы слышали, что въ настоящее время въ земскомъ отдѣлѣ министерства внутреннихъ дѣлъ приступлено къ окончательной разработкѣ „наказа земскимъ участковымъ начальникамъ“. Составленный проектъ наказа былъ предварительно разосланъ на заключеніе губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій. Высказанные ими замѣчанія препровождены въ земскій отдѣлъ, гдѣ въ настоящее время составляется сводъ этихъ послѣднихъ, имѣющій въ будущемъ послужить основаніемъ для выработки соответствующихъ правилъ вышеупомянутаго наказа.

Въ настоящее время департаментъ землѣдлія заканчиваетъ работы по урегулированію земельного вопроса въ бывшихъ Кареской и Батумской областяхъ. (Народъ).

Вопросъ о преобразованіи департамента торговли и мануфактуръ въ главное управленіе торговли и мануфактуръ снова поставленъ на очередь; соответствующее представленіе, какъ мы слышали, уже внесено министромъ финансовъ въ Государственный Совѣтъ, гдѣ оно и будетъ рассмотрѣно еще въ текущую осеннюю сессію.

Число исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ преступниковъ въ Россіи увеличивается еще однимъ учрежденіемъ: сооруженіе Екатеринославской колоніи для дѣтей-преступниковъ будетъ закончено въ октябрѣ. Въ ноябрѣ послѣдуетъ открытіе колоніи; на первое время колонія предполагаетъ принять 24 воспитанника. (В. Вѣд.).

Въ скоромъ времени въ Витебскѣ откроется **колонія для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ**. Устройство ея обошлось въ 10 тысячъ рублей. Къ сожалѣнію, общество какъ то охладѣло къ ней, многіе члены перестали совѣтъ дѣлать взносы. Хотя колонія имѣетъ штрафные кашталы и другія спеціальныя средства, но все таки грустно видѣть подобное равнодушіе (Нов.).

Открытіе сессіи Харьковской судебной палаты для разбора дѣлъ съ участіемъ сословныхъ представителей 18 сентября не состоялось, благодаря тому, что **не могъ организаваться законный составъ присутствія**. вмѣсто губернскаго или уѣзднаго предводителя дворянства, въ палату явился кандидатъ уѣзднаго предводителя. Но такъ какъ, по послѣднимъ разъясненіямъ Правительствующаго Сената, кандидатъ при наличности въ городѣ самого предводителя дворянства не можетъ быть допущенъ въ число сословныхъ судей особаго присутствія палаты, то засѣданіе 18 сентября не могло состояться. Дѣла, назначенныя къ разбору на этотъ день, перенесены на слѣдующую сессію, которая, вѣроятно, откроется въ январѣ будущаго года. (Южн. Кр.).

По словамъ „Вост. Об.“, главнѣйшею злобой дня г. Нерчинска является **отсутствіе мир. судьи**. Мировой участокъ переданъ судебному слѣдователю Нерчинскаго участка, районъ коего составляетъ ни больше, ни меньше, какъ два округа—Нерчинскій и Нерч.-Заводскій, съ которыми и безъ мирового участка ему, навѣрное, не справиться, а потому онъ, кажется, только и можетъ сдѣлать, что вскрывать трупы, распечатывать пакеты и дѣлать распоряженія лишь по дѣламъ арестантскимъ, судебныя же засѣданія ему открывать, конечно, некогда.

„Сиб. Вѣстн.“ пишутъ изъ Тюмени, что **мировые судьи буквально завалены дѣлами**, такъ какъ въ городѣ всего только три мировыхъ судьи и при этомъ одинъ изъ нихъ завѣдуетъ частью уѣзда. Мировымъ судьямъ приходится держать по 3 и 4 письменоводителя, что, при ограниченности получаемаго жалованія, отзывается очень печально на ихъ бюджетѣ. Сильнымъ бременемъ для мировыхъ судей является также дороговизна квартиръ. Необходимо увеличить число мировыхъ

судей въ городѣ, а также увеличить ихъ содержаніе, чтобы они могли успѣшнѣе работать безъ ущерба для своего здоровья.

Изъ Грязовца сообщаютъ „Сѣв. Краю“, что 11 сентября съѣздъ земскихъ начальниковъ (большинствомъ голоса предсѣдателя) утвердилъ приговоръ Ведерковскаго волостного суда, предписывающій **наказать розгами 52-лѣтняго крестьянина** (довольно зажиточнаго и исправнаго мужика) за буйство въ пьяномъ видѣ.

Управляющій Бакинскою губерніей П. А. Литвевъ циркулярно объявилъ чинамъ полиціи по всей губерніи, чтобы они отнюдь не имѣли, въ особенности городовые и околоточные, **плетей, какъ оружія**, не подходящаго званію блюстителя порядка. Отвѣтственность за исполненіе этого возлагается на приставовъ и ихъ помощниковъ. (Каспій).

Въ послѣдней сессіи засѣданій Одесской думы разсматривался вопросъ о томъ, должны ли избираемые думой **члены исполнительныхъ комиссій** быть утверждаемы г. градоначальникомъ. Послѣдній, на основаніи ст. 103 городского положенія, не нашелъ возможнымъ разрѣшить пр. повѣренному Литвицкому вступить въ должность члена исполнительной театральнаго комиссіи, о чемъ увѣдомилъ городского голову, не указывая мотивовъ своего рѣшенія. Докладывая объ этомъ думѣ, городской голова объяснилъ, что аналогичное дѣло, т. е. должны ли члены исполнительныхъ комиссій быть утверждаемы градоначальникомъ и вступать въ исполненіе должности съ его разрѣшенія, возникло также въ Петербургѣ и въ настоящее время находится на разрѣшеніи Правительствующаго Сената.

Пренія гласныхъ касались главнымъ образомъ толкованія ст. 103 городского положенія. Въ заключеніе городской голова поставилъ на баллотировку вопросъ, желаетъ ли дума обжаловать рѣшеніе градоначальника. Вопросъ этотъ разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ большинствомъ 29 голосовъ противъ 8. (Курьеръ).

Въ московскихъ газетахъ напечатано слѣдующее **дѣло о клеветѣ**:

У мѣщанина Николая Яковлева вышло недоразумѣніе съ кр. Павловой. Яковлевъ сталъ ругать ее и, между прочимъ, громкогласно заявилъ, что священникъ у Сергія Троицы лишилъ ее причастія.

Павлова обидѣлась и подала на Яковлева мировому судѣ Дорогомиловскаго участка жалобу, обвиняя Яковлева въ оскорбленіи на словахъ и ослеветаніи.

На судѣ потерпѣвшая, въ доказательство ложности заявленія, сдѣланнаго Яковлевымъ относительно лишенія ея священникомъ св. причастія, представила свидѣтельство своего духовника, изъ котораго видно, что она никогда и никѣмъ изъ священниковъ не лишалась св. причастія.

Мировой судья, признавая Яковлева виновнымъ въ оскорбленіи Павловой на словахъ въ публичномъ мѣстѣ и находя въ его словахъ („тебя священникъ лишилъ причастія“) составъ клеветы, приговорилъ его, по совокупности, къ недѣльному аресту при городскомъ арестномъ домѣ. Дѣло перешло въ съѣздъ.

Мировой съездъ, не найдя въ словахъ Яковлева состава клеветы, призналъ его виновнымъ лишь въ оскорбленіи Павловой на словахъ и потому подвергнулъ его двадцатирублевою штрафу. (Нов.).

КАЗАНСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

Въ субботу, 18 сентября, подъ предѣлательствомъ проф. Шершеневича, состоялось засѣданіе Казанскаго юридическаго общества.

Предѣлатель доложилъ собранію проектъ правилъ, предложенныхъ С.-Петербургскимъ юридическимъ обществомъ Казанскому, въ интересахъ взаимнаго сближенія. Основное правило заключается въ томъ, что члены Казанскаго общества, находясь въ С.-Петербургѣ, и члены С.-Петербургскаго общества, находясь въ Казани, пользуются въ засѣданіяхъ мѣстнаго общества, въ отношеніи къ чтенію и обсужденію докладовъ, правами его членовъ. Затѣмъ, члены одного общества могутъ получать изданія другого общества по установленной для членовъ послѣдняго льготной цѣнѣ. Правила эти были единогласно приняты собраніемъ, о чемъ и постановлено сообщить предѣлателю С.-Петербургскаго общества.

Затѣмъ, предѣлатель прочелъ предложеніе комисіи по составленію гражданскаго уложенія обсудить присланный въ общество въ 4 экземплярахъ проектъ V книги уложенія (объ обязательствахъ). Указавъ на краткость поставленнаго срока (замѣчанія должны быть присланы къ 1 января 1900 г.), предѣлатель предложилъ собранію слѣдующій порядокъ разсмотрѣнія проекта. Чтеніе проекта должно быть постатейно. Въ виду того, что изученіе 5-томной объяснительной записки представило бы затрудненіе для всѣхъ членовъ, проектъ долженъ быть распределенъ по частямъ между членами, изъ которыхъ каждый возьметъ на себя трудъ ознакомленія съ запискою по соответствующему отдѣлу. При чтеніи статей, относящихся къ его отдѣлу, членъ общества долженъ выступить докладчикомъ и его замѣчанія послужатъ почвою для обсужденія проекта. Это предложеніе предѣлателя было принято членами, причемъ проф. Шершеневичъ взялъ на себя общую часть, а членъ палаты Н. Н. Галкинъ-Врасской оставилъ за собою гл. III и IV разд. III. Остальнымъ членамъ предложено сдѣлать выборъ и заявить предѣлателю, а для этого экземпляры проекта были розданы наличнымъ членамъ.

Послѣ этого членъ общества А. В. Завадскій прочелъ рефератъ на тему „Что даетъ суду экспертъ по воззрѣнію проф. Штейна“. (Das private Wissen des Richters 1893). Основныя положенія къ реферату слѣдующія: 1) отличительнымъ признакомъ, выдѣляющимъ экспертизу изъ ряда другихъ доказательствъ, является то, что экспертъ, по вѣрному указанію проф. Штейна, сообщаетъ суду какое-либо общее опытное положеніе по своей специальности (Erfahrungssatz); 2) заключеніе эксперта не должно быть обязательно для суда. Первое теоретическое положеніе вызвало пренія между М. Л. Мандельштамомъ, А. И. Елистратовымъ, Г. Ф. Шершеневичемъ и референтомъ. М. Л. Мандельштамъ возражалъ

противъ перваго положенія съ той точки зрѣнія, что всѣ наши сужденія представляютъ опытные положенія, и что съ этой стороны невозможно провести границу между экспертомъ и свидѣтелемъ. Г. Ф. Шершеневичъ, раздѣляя съ референтомъ мнѣніе о сущности экспертизы, не видѣлъ логическаго перехода отъ перваго положенія ко второму. То и другое замѣчаніе опровергалось А. В. Завадскимъ и А. И. Елистратовымъ, изъ которыхъ второй указывалъ на допускаемое г. Мандельштамомъ смѣшеніе „сужденія“ и „понятія“. Второе положеніе о значеніи заключенія эксперта вызвало обмѣнъ мнѣній со стороны В. В. Сергѣевского, Н. Н. Галкина-Врасскаго и М. Л. Мандельштама. Первый съ практической точки зрѣнія не признавалъ возможнымъ для судьи не подчиниться опытному положенію эксперта, а слѣдовательно, и его заключенію. Съ этимъ мнѣніемъ не согласились Н. Н. Галкинъ-Врасской и М. Л. Мандельштамъ съ той же практической точки зрѣнія.

Въ виду заявленнаго врачами, присутствовавшими въ засѣданіи общества, желанія принять участіе въ преніяхъ, постановлено продолжить пренія въ слѣдующемъ засѣданіи.

Библиографія.

3. Левассеръ. Народное образованіе въ цивилизованныхъ странахъ. 2 т. Ред. Г. Фальборка и В. Чернолуцкаго. Спб. 1899 г.

Разматриваемая книга состоитъ изъ двухъ томовъ. Первый составляетъ переводъ статистическаго изслѣдованія Левассера, второй — двѣ статьи, изъ которыхъ одна — г. г. Фальборка и Чернолуцкаго посвящена народному образованію въ Россіи, а другая, г. Скалона, — народному образованію въ Финляндіи.

Изслѣдованіе Левассера состоитъ изъ ряда аналитическихъ очерковъ народнаго образованія въ отдѣльныхъ государствахъ и замѣтокъ изъ синтетическаго очерка положенія начальнаго образованія въ цивилизованныхъ странахъ.

Отдѣльные очерки составлены весьма неравномерно. Въ то время какъ Соед. Штатамъ отводится 86 страницъ, Франціи 46, народное образованіе въ Греціи, Сербіи, Болгаріи и Турціи излагается на одной страницѣ. Свѣдѣнія, сообщаемыя объ Англіи, Голландіи, Австріи и др. весьма недостаточны.

Каждый изъ очерковъ излагается по слѣдующему плану: сначала дѣлается небольшое историческое введеніе, затѣмъ излагается юридическое положеніе и административная организація; затѣмъ, финансовыя средства, организація статистики, изданія, главныя статистическія данныя.

Историческія введенія совершенно незначительны¹⁾. Достаточно указать, что историческій очеркъ начальнаго образованія въ Англіи излагается всего на одной страницѣ, а въ Голландіи — на 15 строкахъ. Въ этомъ отношеніи новая книга Левассера все еще не можетъ замѣнить старой и устарѣлой книги Лавеле²⁾.

Для насъ, разумѣется, особый интересъ представляетъ юридическій анализъ народнаго образованія. Мы должны, однако, сознаться, что онъ далеко

¹⁾ За однимъ, впрочемъ, исключеніемъ: историческій очеркъ начальнаго образованія во Франціи составленъ весьма обстоятельно и интересно.

²⁾ Laveleye., L'instruction du peuple, Paris 1872; (имѣется русскій переводъ).

насть не удовлетворяетъ. Левассеромъ, напримѣръ, совершенно не понята своеобразность англійской системы народнаго образования. О порядкѣ назначенія субсидій, объ отношеніи централнаго департамента къ мѣстнымъ школьнымъ комитетамъ, о *постепенности* введенія обязательнаго обученія Левассеръ почти не упоминаетъ. Вообще, говоря объ обязательности обученія въ различныхъ странахъ, авторъ не различаетъ системы обязательнаго обученія въ формальномъ смыслѣ, — т. е. обязательнаго посѣщенія школы въ теченіе опредѣленнаго числа лѣтъ, — отъ обязательнаго обученія въ матеріальномъ смыслѣ, т. е. обязательнаго пріобрѣтенія дѣтми установленнаго закономъ *minimum'a* знаний. Очень часто — напр., говоря о Германіи — авторъ забываетъ указать карательную санкцію обязательности обученія. Кое-гдѣ встрѣчаются и ошибки; такъ напримѣръ, считая народное обученіе въ Португаліи факультативнымъ, авторъ очевидно упускаетъ изъ вниманія законъ 2 мая 1878 г. объ обязательности обученія, не отмѣненный позднѣйшимъ законодательствомъ.

Переходя къ заключительному очерку о современномъ положеніи образованія въ цивилизованныхъ странахъ, мы должны замѣтить, что наиболѣе интересно составлены тѣ его части, въ которыхъ обобщается и классифицируется положительный матеріалъ; наоборотъ, разсужденія о значеніи начальнаго образованія, объ отношеніи школы къ религіи и церкви, объ отношеніи начальнаго образованія къ политикѣ составлено очень блѣдно. Говоря, напримѣръ, о борьбѣ мнѣній между противниками и сторонниками народнаго образованія, Л. замѣчаетъ: „Какъ это часто случается по политическимъ и социальнымъ вопросамъ, и здѣсь на сторонѣ каждаго изъ двухъ противоположныхъ мнѣній есть доля правды. Въ дѣлѣ народнаго образованія, какъ и во многомъ другомъ, можно *многое* (!) сказать и за и противъ (?). Но только сопоставить всё эти „за“ и „противъ“ еще недостаточно и необходимо рѣшить вопросъ въ ту или другую сторону.“ (стр. 372).

Защищая необходимость народнаго образованія, Л. слѣдующимъ образомъ успокаиваетъ слишкомъ подозрительныхъ и слишкомъ буржуазныхъ его противниковъ. Много говорилось, пишетъ онъ, о томъ, что, когда всё будутъ образованы, никто не захочетъ быть *лакеемъ* или *землекопомъ*...; между тѣмъ, въ Саксоніи и Бюртембергѣ, гдѣ образованіе стало всеобщимъ, до сихъ поръ не оказывается недостатка ни въ прислугѣ, ни въ рабочихъ (стр. 375). По основному вопросу начальнаго образованія — по вопросу объ обязательности и бесплатности обученія — у Левассера своего мнѣнія нѣтъ. Возраженія противъ бесплатности обученія Левассеръ считаетъ *неполитичными* только потому, „что она (т. е. бесплатность) связана тѣсно въ общественномъ мнѣніи (Франціи) съ демократіей и республикой“ (стр. 55).

Что касается обязательности обученія, то въ одномъ мѣстѣ онъ называетъ ее „могущественнымъ“ стимуломъ для посѣщенія школъ, а въ другомъ — отрицаетъ за ней почти всякое практическое значеніе (ср., съ одной стороны, стр. 414 и сл., а съ другой — искусственно подобранныя мнѣнія американцевъ на стр. 267 и сл.).

Несмотря на существенные свои недостатки, книга Левассера не лишена, однако, и серьезныхъ достоинствъ; во всякомъ случаѣ, она является наиболѣе полнымъ, единственнымъ въ своемъ родѣ собраніемъ статистическаго матеріала касательно постановки народнаго образованія во всѣхъ безъ исключенія цивилизованныхъ государствахъ стараго и новаго свѣта. Нигдѣ въ другомъ общедоступномъ изслѣдованіи не найти даже тѣхъ, по существу весьма скудныхъ, свѣдѣній, какія сообщаются Левассеромъ о народномъ образованіи во французскихъ и англійскихъ колоніяхъ, въ провинціяхъ Канады, въ средне и южно-американскихъ государствахъ.

Лицамъ, специально изучающимъ вопросъ о народномъ образованіи, книга Левассера несомнѣнно окажетъ не мало услугъ. Русский переводъ этой книги сдѣланъ безупречно: мы не замѣтили ни одной шероховатости, ни одного темнаго мѣста. Больше бы такихъ переводовъ!

Второй томъ, какъ указано выше, состоитъ изъ статьи о народномъ образованіи въ Россіи извѣстныхъ знатоковъ нашего народно-школьнаго дѣла, гг. Фальборка и Чернолуцкаго, и статьи о народномъ образованіи въ Финляндіи В. Ю. Скалона.

Первая статья является весьма цѣннымъ вкладомъ въ качественно-небогатую литературу русской школы. Статью нельзя назвать полной: любопытная исторія попытокъ введенія у насъ обязательнаго и бесплатнаго обученія вовсе не останавливаетъ на себѣ вниманія авторовъ. Въ массѣ статистическаго матеріала мы не нашли достаточно данныхъ для сужденія о размѣрахъ школьной платы, о ея значеніи и роли въ финансовомъ хозяйствѣ русской школы, о вліяніи на отношеніе къ школьнѣ населенія.

Разсматриваемая статья не ограничивается, подобно очеркамъ Левассера, объективнымъ изложеніемъ существующаго; она страстно полемизируетъ съ тѣми новѣйшими теченіями въ области внутренней нашей политики, которыя, по справедливому мнѣнію авторовъ, угрожаютъ серьезной опасностью народной школѣ.

Такъ, прежде всего, авторы рѣшительнымъ образомъ встаютъ противъ передачи школьнаго дѣла въ руки церкви, — противъ церковно-приходскихъ школъ (стр. 40, 58 и др.).

Съ перваго взгляда, рѣзко и безусловно отрицательное отношеніе авторовъ къ церковно-приходскимъ школамъ представляется не вполне понятнымъ. Конечно, у насъ въ Россіи нѣтъ тѣхъ основаній для борьбы съ церковными вліяніями въ области школьнаго дѣла, какія имѣлись у католическихъ государствъ Запада.

У насъ церковь является не антагонистомъ государства, а могущественнымъ и покорнымъ орудіемъ въ его рукахъ. Наши древніе книжники называли Москву третьимъ Римомъ: у насъ ультрамонтанства, къ счастью, и въ поминъ нѣтъ. Школьное дѣло даже въ рукахъ церкви остается у насъ государственнымъ дѣломъ; оно направляется государствомъ и служитъ не церкви, а государству.

Поэтому — и намъ бы хотѣлось, чтобы авторы разсматриваемаго очерка болѣе отгѣнили эту мысль — наша оппозиція противъ церковной школы имѣетъ весьма мало общаго съ западно-европейской оппозиціей: она исходитъ изъ совершенно другихъ соображеній, въ основаніе своихъ выводовъ она кладетъ другіе факты. Въ официальномъ отчетѣ о состояніи школъ церковно-приходскихъ и грамоты въ Екатеринбургской губ. (за 1895—96 г.) помѣщены, между прочимъ, мотивы отказовъ уѣздныхъ земствъ въ пособіи епархіальнымъ школамъ.

Наиболѣе общій мотивъ таковъ: „нѣкоторые изъ такихъ школъ существуютъ не въ дѣйствительности, а на бумагѣ“.

На „бумажное существованіе“ школы — хроническое явленіе въ области церковно-школьнаго дѣла, коренящееся въ бытовыхъ и культурныхъ условіяхъ жизни нашего сельскаго духовенства — неоднократно указываютъ и авторы разсматриваемаго изслѣдованія.

Затѣмъ, другой мотивъ отказа земствъ заключается въ слѣдующемъ: „если въ нѣкоторыхъ изъ нихъ и ведется преподаваніе, то самымъ первобытнымъ образомъ; многія изъ нихъ до сихъ поръ не сдѣлали ни одного выпуска учениковъ“.

И дѣйствительно, изъ официальныхъ отчетовъ мы узнаемъ, что въ числѣ учителей церковно-приходскихъ школъ весьма нерѣдко встрѣчаются люди

съ удивительнымъ образовательнымъ цензомъ, — и „отставной майоръ изъ философскаго класса дореформенной семинарии“, и „крестьянинъ домашняго образования“, и „солдатъ домашняго образования“... Все это — учителя церковно-приходскихъ школъ; про учителей школъ грамоты и говорить нечего: большинство такихъ учителей — „солдаты домашняго образования“ (см. ст. *Блокскаго* въ „Русской Школѣ“ за 1898 г. № 1, стр. 197).

Далѣе, учебныя программы церковныхъ школъ, составленныя въ реакціонное время, въ видахъ „осуществленія церковнаго и всенароднаго идеала всеобщаго обученія, *искаженнаго минушимъ 25-лѣтнемъ*“¹⁾, не отвѣчаютъ, какъ вполне основательно и обстоятельно доказывается авторами разсматриваемаго изслѣдованія (стр. 60, сл.), самымъ элементарнымъ требованіямъ учебно-воспитательнаго дѣла.

Наконецъ, неудовлетворительная во многихъ отношеніяхъ церковно-приходская школа, въ виду разнороднаго состава русскаго народа, представляется у насъ — по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ — прямо невозможной.

Въ отчетѣ о состояніи средней и низшей школы въ кievскомъ учебномъ округѣ за 1895 г. (Журн. М. Нар. Пр. 1895 г. кн. 12, стр. 87) мы читаемъ:

„Недостаточное количество народныхъ школъ представляетъ явленіе весьма прискорбное, въ особенности въ Юго-Западномъ краѣ, гдѣ школа, кромѣ общаго религіозно-нравственнаго воспитанія народа, призвана еще служить сліянію въ одну русскую народность всѣхъ разнообразныхъ вѣроисповѣдныхъ и племенныхъ элементовъ края... Для этого важнаго государственнаго дѣла не примѣнима школа церковно-приходская, которая по самому характеру своему не можетъ привлекать иновѣрное населеніе, составляющее болѣе 18% всего населенія Юго-Западнаго края, а въ частности, въ пограничной съ Австріей Волынской губ. болѣе 23%“.

Слѣдующимъ вопросомъ политики школьнаго дѣла, останавливающимъ на себѣ особое вниманіе авторовъ разсматриваемаго изслѣдованія, — является вопросъ объ *удешевленіи* школы. Гг. Фальборкъ и Чарнолусскій возвращаются къ нему нѣсколько разъ; стремленіе „удешевить“ осуществленіе у насъ всеобщаго обученія народа они приписываютъ „дряблымъ умамъ нашихъ восьмидесятниковъ, усиленно разработавшихъ теорію и практику пресловутыхъ „маленькихъ дѣлъ“ (стр. 57). Такое стремленіе кажется имъ „совершенно недостойной политикой“, являющейся ничѣмъ инымъ, какъ простымъ переживаніемъ рабскихъ традицій крѣпостничества и неуваженія къ человѣческому достоинству трудящихся народныхъ массъ (стр. 158).

Не смотря на „силу“ (можетъ быть, чуть-чуть чрезмѣрную) подобной аргументаціи, мы должны сознаться откровенно, что она не кажется намъ вполне убѣдительною. Конечно, если *единственно-возможнымъ* типомъ „удешевленной“ школы признавать современную школу грамоты съ „солдатомъ домашняго образования“ вмѣсто учителя, — въ такомъ случаѣ удешевленіе школы необходимо признать и желательнымъ и невозможнымъ.

Школа, прежде всего, должна быть школой. Это — аксіома.

Современная школа грамоты является, въ дѣйствительности, школой безграмотности. Предположимъ, что къмъ-нибудь поставлена специалістамъ школьнаго дѣла такая задача: увеличить „для статистики“ число школъ, число учащихся и учащихся, оцнудъ не увеличивая, однако, въ народѣ числа грамотныхъ. Школа грамоты явилась бы лучшимъ рѣшеніемъ подобной задачи.

Все это такъ. Однако, съ другой стороны, если

принять во вниманіе различіе въ экономическихъ, культурныхъ и бытовыхъ условіяхъ народной жизни въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, въ такомъ случаѣ нельзя будетъ не согласиться съ тѣмъ, что школа *одного и того же типа* для всей Россіи представляется вполне и безусловно невозможной. Признавая всеобщность обученія высшей цѣлью народно-школьной политики, мы тѣмъ самымъ вынуждены признать желательнымъ существованіе *на ряду* съ болѣе дорогой школой и школы болѣе дешевой. Конечно, дорогая школа лучше дешевой. Но дешевая школа (если только она остается *школой*) лучше отсутствія какой бы то ни было школы вообще¹⁾.

Въ заключеніе, авторы разсматриваемаго труда подвергаютъ рѣзкой, но вполне справедливой критикѣ недавно возникшій „чудовищный“ проектъ совершеннаго изъятія народныхъ школъ изъ вѣдѣнія земскаго учрежденія и сосредоточенія всего дѣла народнаго образованія въ рукахъ государства“. Мы бы положительно отказались повѣрить въ возможность существованія подобнаго проекта, если бы не знали, что, дѣйствительно, хотя и въ зачаточномъ состояніи, онъ все-таки существуетъ.

Указавъ на тотъ очевидный и несомнѣнный фактъ, что главную основу для созданія нашей народной школы положило русское общество и русское земство, авторы заканчиваютъ свое изслѣдованіе слѣдующими словами, къ которымъ мы присоединяемся отъ всей души:

„Едва ли можно назвать другую, болѣе пагубную для истинныхъ нуждъ страны мѣру, какъ предположеніе о сокращеніи и тѣхъ жалкихъ правъ, какія имѣютъ у насъ въ настоящее время общественные элементы въ дѣлѣ народнаго образованія. Настоятельные интересы послѣдняго требуютъ не умавленія этихъ правъ, а ихъ упроченія и расширенія“ (стр. 164).

Статья г. Скалона о начальномъ образованіи въ Финляндіи составлена весьма обстоятельно и интересно. Между прочимъ, въ ней приводится слѣдующій любопытный фактъ. Въ 1893 г. финляндскій сенатъ выработалъ проектъ правительственнаго предложенія сейму объ изданіи закона объ обязаніи общинъ устраивать и содержать потребное число школъ и о введеніи обязательнаго обученія, но его предложеніе не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій, ибо Императоръ Александръ III не изъявилъ согласія на его внесеніе въ сеймъ (239).

Вл. Гессенъ.

СУДЕБНО-АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРАКТИКА.

I департаментъ Правительствующаго Сената.

(Устройство новыхъ улицъ. Указъ 20 іюня 1899 г.)

I.

Постановленіемъ Курл. губ. по гор. дѣламъ присутствія отъ 26 октября 1892 г., по руководству ст. 281 уст. стронт., было отмѣнено опредѣленіе Фридрихшт. гор. думы отъ 13 іюля того же года о безвозмездной уступкѣ участка городской земли подъ лит. № 109 подъ постройку православной церкви и относительно требуемаго по сему поводу думою перенесенія съ сего участка и устройства на участкѣ № 108 новой проѣздной улицы, для соединенія Митавской улицы съ Новою, въ той его части, ко-

¹⁾ Въ этомъ отношеніи любопытна резолюція, принятая комиссіей Вятскаго губ. земства по народному образованію, а также резолюція очереднаго собранія означеннаго земства 1896 г. (См. *Материалы* по вопросу объ участіи Псковскаго губ. земства въ развитіи начальнаго народнаго образованія. Вып. I, стр. 80 и сл.).

¹⁾ Изъ всеподданнѣйшаго отчета оберъ-прокурора Св. Синода за 1884 г.

торая касалась ширины новой улицы, опредѣленной думою въ 5 саж. Въ виду обращеннаго къ губернатору церковнымъ старостою, въ сентябрѣ 1897 г., ходатайства объ утвержденіи упомянутаго постановленія городской думы въ отношеніи ширины новой улицы въ 5 саж., губернаторъ вошелъ въ губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе съ предложеніемъ о пересмотрѣ постановленія губернскаго присутствія отъ 26 октября 1892 г. въ части, касающейся ширины новой Выгонной улицы, предполагаемой къ перенесенію съ земельного участка № 109 на участокъ № 108; губернское присутствіе, согласившись, въ засѣданіи 15 декабря 1897 г., съ губернаторомъ о необходимости такого пересмотра, въ виду неправомернаго примѣненія присутствіемъ къ опредѣленію ширины новой улицы ст. 281 уст. стр., а не примѣчанія къ оной, и имѣя въ виду, что постановленіе присутствія отъ 26 октября 1892 г. вошло въ законную силу, ходатайствуетъ объ отмѣнѣ сего постановленія, о чемъ губернаторъ и представляетъ Пр. Сенату въ рапортѣ отъ 3 января 1898 г. за № 20.

Разсмотрѣвъ изложенное, Пр. Сенатъ опредѣляетъ: постановленіе Кур. губ. по гор. дѣламъ присутствія отъ 26 октября 1892 г. отмѣнить, разрѣшивъ губ. присутствію, по указаннымъ имъ основаніямъ, войти въ новое разсмотрѣніе опредѣленія Фр. гор. думы отъ 13 июля 1892 г., въ части, касающейся ширины предполагавшейся къ перенесенію съ земельного участка № 109 на участокъ № 108 новой Выгонной улицы.

Постановленіе Курляндскаго губ. по городскимъ дѣламъ присутствія отъ 26 окт. 1892 г. намъ представляется совершенно правильнымъ. Ст. 281 уст. стр. вполне опредѣлительно и категорично устанавливаетъ слѣдующее правило: при устройствѣ новыхъ улицъ наблюдается, чтобъ онѣ были шириной, по крайней мѣрѣ, отъ 10 до 15 сажень. Примѣчаніе къ этой статьѣ допускаетъ одно только исключеніе изъ означеннаго правила, которое, какъ всякое исключеніе, должно толковаться ограниченительно: при проектированій плановъ городамъ допускается ширина улицъ и менѣе 10 саж., но въ тѣхъ *только* случаяхъ, когда къ устройству улицъ шириною въ 10 саж. потребовалось бы *снести или уничтожить существующія* казенныя, общественныя или частныя зданія, или же подвергнуть отчужденію другія какія-либо имущества значительной цѣнности. Въ данномъ случаѣ, вопросъ идетъ объ устройствѣ новой улицы шириною въ 5 саж. по причинѣ безвозмездной уступки городомъ участка городской земли подъ *постройку* православной церкви.

Мы отказываемся понять, какимъ образомъ къ этому случаю вмѣсто 281 ст. уст. стр. можетъ быть примѣнено примѣчаніе къ ней.

II.

(Издержки на служебныя командировки).

(Указъ 8 июня 1899 г. № 5990).

Исправлявшій, за увольненіемъ судебного слѣдователя 3-го уч. Яранскаго уѣзда въ отпускъ, должность судебного слѣдователя въ помянутомъ участ-

кѣ съ 25 апрѣля по 5 июня 1897 г. старшій кандидатъ на судебныя должности при Вятскомъ окружномъ судѣ Ш. обратился къ Яранскому уѣздному земству съ ходатайствомъ объ удовлетвореніи его квартирными деньгами за время исполненія имъ сказанной должности, каковое ходатайство, однако, Яранскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ было отклонено, въ виду ст. 610 уст. о сл. по опред. отъ прав. т. III св. зак. изд. 1896 г. Постановленіе это было передано губернаторомъ, въ порядкѣ ст. 88 пол. о зем. учр., на разсмотрѣніе губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія, которое, съ своей стороны, принявъ во вниманіе, что кандидатъ на судебныя должности Ш. какъ оказалось по собраннымъ свѣдѣніямъ, во время исполненія обязанностей судебного слѣдователя 3-го участка Яранскаго уѣзда не получалъ никакого штатнаго содержанія и потому во время исполненія по порученію начальства каковой-либо классной должности, хотя бы и не вакантной, согласно ст. ст. 560 и 552 уст. о служ. по опред. отъ прав. долженъ былъ получать полное содержаніе, присвоенное исправляемой должности, т. е. и квартирныя деньги, 10 октября 1897 г. отмѣнило сказанное постановленіе Яранскаго уѣзднаго земскаго собранія. Въ принесенной Пр. Сенату жалобѣ Яранская уѣздн. земск. управа, объясняя, что удовлетвореніе квартирными деньгами двухъ должностныхъ лицъ, занимавшихъ одну и ту же должность въ одно и то же время, не можетъ считаться для земства обязательнымъ, и что встрѣчавшееся за послѣднее время неоднократное повтореніе подобныхъ случаевъ влечетъ за собою убытокъ для земства, ходатайствуетъ объ отмѣнѣ вышеизложеннаго постановленія Вятск. губ. по земск. и гор. дѣл. присутствія отъ 10 октября 1897 г.

Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, Пр. Сенатъ находитъ, что, согласно ст. 610 уст. о служ. (т. III изд. 1896 г.), всѣ издержки на командировки, производимыя по распоряженіямъ мѣстныхъ начальствъ, принимаются на счетъ казны, причѣмъ, согласно ст. 606 того же уст., чиновнику, командируемому по дѣламъ службы, отпускаются также и квартирныя деньги. Посему и принимая во вниманіе, что по точному смыслу ст. 415 учр. суд. уст. (т. XVI ч. 1 изд. 1892 г.) назначеніе старшихъ кандидатовъ на должности по судебному вѣдомству къ исполненію обязанностей судебныхъ слѣдователей должно быть разсматриваемо какъ служебныя командировки, что, такимъ образомъ, и квартирныя деньги, слѣдующія кандидату Ш. за время исполненія обязанностей судебного слѣдователя 3-го уч. Яранскаго уѣзда, должны быть выданы изъ казны, а не изъ земскихъ средствъ, Пр. Сенатъ признаетъ постановленіе Вятск. губ. по земск. и гор. дѣл. присутствія, отмѣнившее постановленіе Яранскаго уѣздн. земск. собранія, коимъ отказано кандидату на судебныя должности въ выдачѣ квартирныхъ денегъ за время исполненія имъ обязанностей суд. слѣдователя съ 25 апрѣля по 5 июня 1897 года, лишеннымъ правильнаго основанія, а потому опредѣляетъ: такое постановленіе отмѣнить.

При этомъ № годовымъ подписчикамъ разсылается 7-й листъ собранія узаконеній и распоряженій правительства за 1899 г.

Редакторы-издатели: Приватъ-доцентъ В. М. Гессенъ.

Типографія Спб. акц. общ. печ. дѣла въ Россіи Е. Евдокимовъ. Троицкая ул., 18.

Н. И. Лазаревскій.